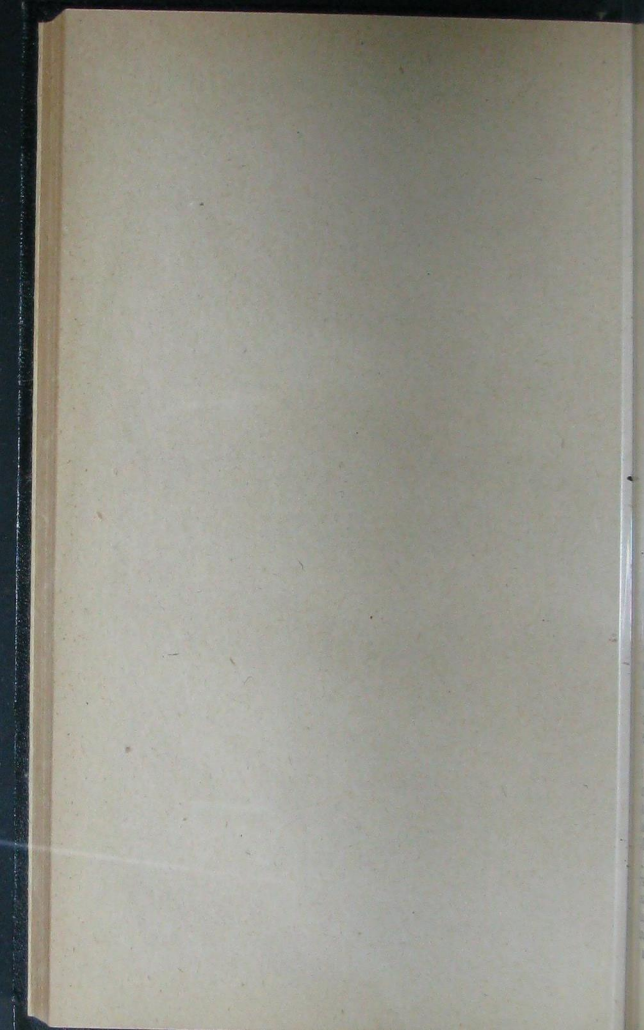


ЗАВОДЫ ПЯТИЛЕТКИ



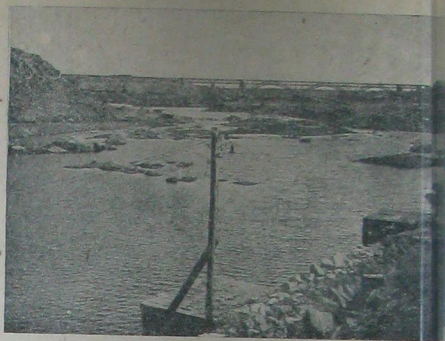
ОЗ ИСТОРИИ ПРОЕКТА

ПРОБНЫЙ ОТРЫВОК

... Александр III не любил инженеров, боялся сложных кодов технической мысли, с подозрительностью относился ко всем носителям непонятных для него технических знаний. Когда однажды ему сделали представление о назначении на должность министра путей сообщения видного инженера, профессора-транспортника, он раздраженно отмахнулся: — Кого угодно, только не техника.

Эта подозрительность к инженерам перешла по наследству и к Николаю II. В 1909 году он назначил министром путей сообщения Рухлова, не имевшего никакого отношения к железнодорожному делу, — его взяли из главного тюремного управления. В молодости Рухлов служил помощником смотрителя Летичевской тюрьмы, благодаря случайности попал в сферу внимания влиятельных сановников и через графа Сольского вошел в доверие к великому князю Александру Михайловичу, который был одним из интриганов придворной камарильи. Принадлежность к союзу русского народа и рекомендация великого князя оказались сильнее всяких дипломов и знаний, — Рухлов в течение восьми лет бессменно состоял министром путей сообщения. Угодливый, малокультурный чиновник, преклонявшийся перед малейшими желаниями Александра Михайловича, согладаивавшийся в совете министров в пользу самых черных закулисных сил царской фамилии, он был скуп в хозяйстве своего огромного ведомства и чужд инициативы. При нем министерство утвердило шесть проектов Днепровского строительства. Из-за того недальновидной скаредности подвижной состав железных дорог дошел до такой степени изношенности, что когда грянула война, транспорт оказался в катастрофическом состоянии. Об этом косном помощнике тюремного смотрителя должности министра будет написано несколько страниц «Истории Днепростроя».

... Нетитулованный князь старой русской промышленности, знаменитый петербургский заводчик и председатель правления Азиатского банка Алексей Иванович Путилов слушал доводы французских инженеров и все больше убеждался, что мощью Днепра на порогах можно творить чудеса для металлургических предприятий. Он знал, что предста-



Дамба „Дурная“ и новый мост через Днепр.

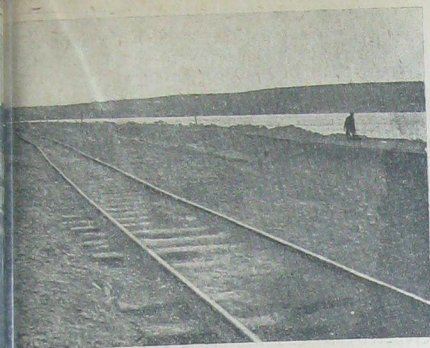
вители предприимчивых французских и бельгийских капиталистов, владевших крупными заводами на юге царской России, сняя шелковыми цилиндрами, подкатывали в низеньких автомобилях к мрачному зданию министерства путей сообщения на Фонтанке. Они представляли какие-то эскизные наброски будущих Днепровских сооружений, показывали цифровые подсчеты стоимости работ, при чем у них выходило значительно дешевле, чем предполагалось по проектам Максимова и Графтио, Рундо и Юскевича, даже по последнему проекту Киевского округа путей сообщения, где главными авторами были Юргевич и Розов.

— Позвольте, почему у вас такая низкая расценка земляных работ? — удивлялись в министерстве.

— Очень просто. Закончилась постройка Панамского канала, освободилось много специальных машин, которые требуют дальнейшего приложения к какому-нибудь делу. Вот и весь секрет нашей дешевизны, — откровенно улыбались выложенные и выютуженные до последней складочки представители денежных тузов.

Но эскизные наброски иностранцев не могли конкурировать с серьезной работой Юргевича и Розова, — они признавались неудовлетворительными, браковались, — и настоящий интерес к проблеме Днепра шедший из заграничных не получал поощрения.

Тогда Путилов решил поставить дело солидно, чтобы перед всеми поспешными соискателями получить не-



нное преимущество. Он предложил французам — профессору Шаппюи и инженеру Голье — разработать подробный проект, который обладал бы тщательно продуманной технической убедительностью. В 1912 году Шаппюи и Голье дали в управление внутренних водных путей три отдельных полных варианта, которые вопрос овладения Днепром решали посредством двухплотинной системы сооружений. Главная работа по оценке этих проектов была поручена Грегвичу и Розову. Розов проверил инженерную часть, Грегвич, как крупный путейский генерал, явился докладчиком, — он умел складно говорить и обладал способностью показать световую и теневую сторону любой мысли. Все варианты за чопорным зеленым столом инженерного совета были отвергнуты.

Но идея использования энергии Днепра кружила Путину голову, возможность получения несметных выгод от дешевого электрического тока, который может развить сила, не давала ему покоя. Неудача с Шаппюи и Голье не остановила. Желание получить концессию на могучий старый Днепр, способный добывать из заводов золото, не осла. Он заказал новый проект молодому профессору Петербургского политехнического института Бахметеву, имя которого в гидравлике стояло весьма высоко. Бахметев пришел к заказу, как к научной задаче, и в 1913 году закончил оригинальный проект, решающий проблему Днепра тремя плотинами. Проект оказался самым сильным из всех

предыдущих и произвел впечатление. Он задевал, почти оскорблял чванное высокомерие путейских чиновников.

— Кто такой Бахметев? — спрашивали друг друга действительные статские советники в министерстве. — Он же путеец. Чужой человек. Путилов при желании мог бы найти специалистов из нашей ведомственной среды. Способы ему известны... И кроме того — это частная затея. Кто знает, как еще посмотрит на нее Государственная Дума?

И проект Бахметева был отклонен почти без указания причин. Те из возражений, какие делались для соблюдения формальных приличий, носили курьезный характер.

— Может, предложить все-таки Бахметеву поработать по заданию Управления внутренних водных путей? — занялся один из членов совета, не обладавший непреклонностью кастового чувства.

— Что вы, что вы? — замахали на него руками. — Раз у нас своих людей нет?

Министерство вызвало Юргевича и Розова, занятым то время шлюзованием Дона.

— Надо произвести на Днестре дополнительные изыскания. Государственная Дума выделила особую комиссию для рассмотрения проблемы. Составьте новый проект, но так, чтобы не было одностороннего увлечения только энергетической частью. Путилов мечтает о грандиозных заводах ищет наживы, а мы должны помнить и о судоходстве.

Когда Юргевич и Розов уезжали из Петербурга, председатель инженерного совета Калинин говорил им на прощанье:

— Имейте в виду, ваш проект должен быть во что-то то ни стало лучше Бахметевского.

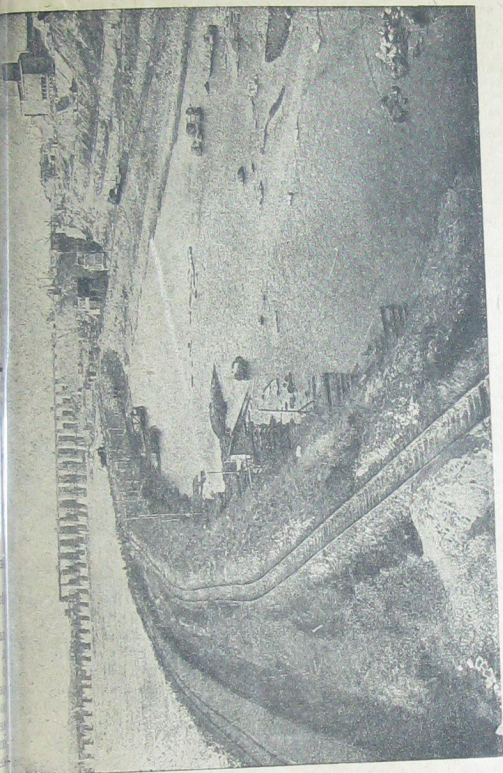
— Постараемся, ваше превосходительство.

— Стараться придется довольно усердно. Вы должны определенно превзойти этого выскочку.

Задача была не из легких, что отлично понимали с выдвинутых министерством инженера.

Весной и летом 1914 года в районе порогов работали две изыскательские партии: от села Верхний Кайдакич Ненасытца под руководством инженера Белоконого и в Ненасытца до города Александровска под руководством инженера Воронцова. Кроме топографических работ они производили бурение по оси предполагаемых сооружений и широко развернули зондировку залегания скал по берегам. Результаты докладывались Розову, который постепенно все дело подготовки будущего проекта сосредоточил в своих руках. Юргевич страдал запоем и большей частью сидел у себя на Дону.

Одной из основных трудностей для изыскательских партий явилась оценка приднепровских земель, подлежащих



Днепрострой и плотина.

затоплению подъемом воды после постройки плотин. Идеясь поправить новым строительством свои лошадные дела, помещики заламывали совершенно сумасбродные суммы. Берегами Днепра от Александровска вверх до Екатеринослава владели в большинстве лица, имевшие крупные связи при дворе: генерал Синельников — потомок екатерининского наместника Новороссии, помещица Милова, ведшая свою родословную от гетмана Данилы Апостола, граф Стенбок Фермор, граф Коскуль, граф Воронцов Дашков и другие. В своде законов Российской империи была статья об отчуждении земель для постройки железных дорог, но ничего не говорилось о праве государства пользоваться земельными участками для проведения водных путей и вообще для гидравлических целей, чем сейчас же начали беззастенчиво спекулировать сиятельные и в сиятельные владельцы.

Когда инженер Белоконов явился в имение Стенбок-Фермора, граф вынес ему из покоев дарственную грамоту Екатерины II — плотный голубоватый документ с висающими на шнурах огромной сургучной печатью. В грамоте затейливыми завитушками было написано, что графу даруется в вечное потомственное владение „земля, вода и воздух обмежеванной определенными столбами, канавами и урочными территориями.

— Ну, хорошо, насчет земли мы еще как-нибудь с министерством договоримся, — снисходительно сказал граф. А вот относительно права владеть энергией, заключенной в воде, дело будет сложнее.

— То есть как? — не понял сначала Белоконов.

— За воду придется тоже платить.

— За Днепр?

— Ну, да. Вы же видите, в грамоте государыни совершенно ясно сказано: „земля, вода и воздух“. Если министерство изобретет и захочет поставить на моей территории какие-нибудь заводы, использующие воздух, я буду требовать вознаграждения и за воздух. Старые помещики правы, когда говорят: „Против моего имения и небо мое“.

Война скомкала исследовательские работы — их пришлось спешно закончить и весь добытый материал отправить в Петербург. Там Розов засел за проект. Это был знающий, аккуратный, толковый инженер, обладавший большой работоспособностью.

— Звезд с неба не хватает, блестящих мыслей не имею, но на работу мастер, — говорили о нем.

Юргевич к тому времени вынужден был от проекта устраниваться совсем. Однажды он приехал с Дона в сильном подпитии и прямо с Николаевского вокзала направился в Государственную Думу. Обыкновенно близкие люди встр

чали его на вокзале и заставляли сначала проспаться, прежде чем ездить на лихаче по делам. Здесь же появление Юргевича почему-то прозевали, и он, как был „под мухой“, так и ввалился в комиссию Думы,— возбужденный дорогой, мутный от недовольства, дерзкий, по-стариковски злой. Он наговорил членам Думы генеральских резкостей, которых потом ему никогда не могли простить.

К 1 февраля 1915 года проект Розова был закончен. Инженерный совет его одобрил и представил в Государственную Думу. Летом 1916 года Дума приняла законоположение о шлюзовании Днепровских порогов. Оставалось получить утверждение царя, открыть кредиты и приступить к делу. Но бюрократическая машина государства Российского двигалась медлительно, а Рухлов не спешил,— министерство никак не могло решить, кого назначить начальником работ. Кандидатура Юргевича отпадала сама собой.

— Пусть пьет на Дону цимлянское.

— А Розов?

— Розов слишком молод еще. И честолюбив не в меру.

— Но он обидится.

— Зачем же так делать? Послать его сейчас начальником строительства Кондопожской гидростанции на Онежское озеро. Будет доволен. А затем, уже без него, произвести назначение на Днепр.

Пока министерство путей сообщения делило места, пришла Февральская революция. Тогда вспомнили профессора Бахметева. Но было уже поздно. Бахметев бросил гидротехнику и, очертя голову, ринулся в совершенно чужую ему область — политику. Временное правительство назначило его послом в Вашингтон.

1 апреля 1917 года новый министр путей сообщения Некрасов подписал приказ о назначении на должность начальника работ Днепровского строительства не гидротехника, а мостовика — Виктора Леопольдовича Николаи.

Однако и этот сделал не больше, чем его предшественники.

Ш Л Ю З

ГЛАВА I

Левый берег Днепра. Возле самого Запорожья легло село Вознесенка, мозаично пестря красными и серыми черепицами крыш. Глубоко, на дне каменистого оврага притаился хутор Завидный. А степь развернулась просторно и весенне ярко. Мрачно застыл над водой изрытый расселинами бурокрасный гранитный берег. Днепр, вспученный коричневой весенней мутью, минуя ряд скалистых островов, — „Большой“ и „Малый“, „Кресло Екатерины“, „Два брата“, — рассекался Хортицей на два рукава. Новый и старый Днепр обручем охватывал Хортицу. Соединяясь в Запорожье вновь, Днепр раздавался вширь сочными зелеными плавнями, стремясь к Черному морю. К левому берегу нового Днепра, загородив наполовину течение, серыми громадами высились скалы „Дурная“ и „Сагайдачный“.

Прорвав бледное предутро сверкающими клиньями, вошло в небо солнце.

Ленивая степная сонь взбудоражена шумом и звуками работ.

Далеко вдоль Днепра простерлись разработки камня, шлюза и подходов к нему. Грабари лопатой и ломом глубина дна разработок, подбираясь к гранитным пластам. С утренней и до вечерней зари копошится муравейник землепосов. Засыпаются глубокие извилины оврагов, сглаживается площадь, возводятся длинные железнодорожные насыпи. Окрики грабарей, глухой стук лопат, скрипы и визг колес маг распластались над степью.

Прораб земляных работ Мелисинов на участке. С ним его немногие помощники. Техник и три десятника, весовщик.

Грабарит олько начинают с'езжаться. На раскинувшейся степи белеют стройные ряды геодезических колышек, показывая линию будущих железнодорожных путей.

Мелисинов глянул на разбивки. Ясно и живо развернулась в воображении картина будущих работ. Раз'езды, стрелки, будки. Переплелись блестящие линии рельс. Вот они окружили объекты работ. Вот ожили пути. Мчатся черномазые паровозы, составы, груженные камнем, фермами, бревнами, металлом, бетоном. Гордо ползут, громяхая, длинные ноносые краны.

А сейчас пустота и степь.

К зиме 1927 года нужно вынуть на участках шлюза 400.000 кубометров земли. Необходимо разворачивать работу.

Обходя участок Мелисинов раз'яснял:

— Работа грабарей требует четкости и непрерывного течения подвод. Затор, сутолока — враг. Умей управлять грабарями — большие и сложные работы не страшны. Для машины есть пути запретные, для грабарей — доступно многое: в самые трудные места, словно козы, заберутся.

Десятки лет работает Мелисинов с грабарями: в Сибири, на Украине, в Белоруссии. Глубокое знание грабарского дела, вера в него чувствуется в его словах.

— А какова очередность работ, Василий Григорьевич? — задал вопрос десятник Бурышев.

Мелисинов указал перед собой рукой.

— А вот разработаем эти земляные громады, начнем скальные работы: рвать, крошить и выбирать гранит. Будем придавать шлюзу проектную форму.

Гранит берегов и Днепровского дна — высококачественный. Это большое достоинство. Для плотины, шлюза и станции это клад. Фундамент будет надежный. Снятый со шлюза камень пригодится на засыпку ряжей, на бетон.

— А каков об'ем гранита, который вынуть намечено? — полюбопытствовал техник.

— По всем об'ектам шлюза предположено вынуть 600.000 кубометров скалы.

— А методы разработки какие будут применены? — снова задал вопрос Бурышев, вспомнив работу на Волхове и не ожидая ответа, продолжал:

— Вот на Волхове землю на тачках вывозили. Один рабочий за ручку держит, другой, крючник, помогает тащить тачку проволокой. Только в разгаре работ деревянные дерики и экскаваторы появились. Громадное дело сделали. Прямо революцию техническую учинили. А грабарей там почти не знали.

— Ну, при наших размахах голыми руками не возьмешь — Мелисинов указал на грабарей. Днепрострой — это девять Волховов. Чтобы намеченные задачи выполнить, нужны машины — экскаваторы, перфораторы, бурильные станки и дерики. Они заказаны в Америке. Но эти чуда техники придут только к осени.

— А как канал шлюзовой пойдет, Василий Григорьевич?

— Собственно шлюз — это три камеры; три колоссальные ступени. Высекутся они в граните, бетоном выложатся. Каждая камера ляжет в длину на 240 метров, в ширину охватит до 20 метров, а в глубину метров 17. Цифры эти не окончательные. Еще обсуждаются. Размеры во всяком



Американский бурильный станок.

случае будут немалые. По величине наш шлюз будет первым в Европе.

— Плотина—как вам известно, поперек Днепр разделит и подымет воду на 37 метров. Этот громадный перепад во время проведения через шлюзы судна разделится по камерам, с перепадом воды по уступам на каждую камеру — 12,5 метров. От Днепра и друг от друга камеры массивными, двухстворчатыми воротами защищены. Наполняться водой камеры будут через особые трубы водопроводной галлерей, заложенной в боковых стенах шлюза, с выходами в середину камеры.

— Легкий поворот рычага в будке управления—вода Днепра врывается в камеру. Камера полна; уровень воды сравнялся с Днепром и судно можно впускать. Снова поворот рычага. Ворота раскрываются—добро пожаловать судно входит в камеру. Перед первой и третьей камерой поставят из бетона причальные пирсы для пришвартовывания судов.

Мелисинов глянул вдаль, на скалу „Дурную“, своим большим телом отвлекшую Днепр в сторону. Рядом „Дурной“, на левом берегу стройно высилась скала „Сагайдачный“. Между ними узкой полоской проскользнул Днепр.



Взрыв скалы.

— Представьте, — продолжал он, — выйдет судно из камер шлюза, а дальше стой, „Дурная“ не пускает. Значит, судовой ход надо просечь, срезать скалу и углубить дно. Грабит крепок, и рвать его нелегкое дело. Судовой канал займет до двух с половиной километров.

Волнующая картина предстала перед глазами Бурышева: темные серые камеры шлюза, стройные стены пирса, вода из труб, бурля и вздымаясь, наполняет камеры. Широко, ловно радостно протянутые руки, распахнулись гигантские ворота навстречу пароходу.

Откуда-то выскочила каверзная мысль: а построим ли? Ведь рабочих нет. Нет механизмов. Громадина — то какая!

— А Волхов как начинали? И разве не окончили? — тотчас же успокоил себя Бурышев.

Новая партия грабарей прибыла, — сказал Мелисинову подошедший десятник Миронов.

— Хорошо. Принимайте и разбивайте новые резервы. Бурышев пошел отметить для грабарских работ новый замер.

Продольно камерам шлюза возводится грабарями земляная насыпь под пути.

Между шлюзами и путями — косогор. Его надо срезать.

Широкое лицо Бурышева, красное и сухое от непрерывных ударов ветра и солнца, озабочено.

Бурышеву предстоит разрешить новую для него и трудную задачу. Как вычислить на кособоке разбивку выемки. Как сосчитать кубатуру этой длинной пирамидообразной громадины? Начал вычисления.

— Проклятые курсы, — ругнулся вслух.

Пробежали в памяти: восемнадцатый год, демобилизация, Ленинград, землемерные курсы и слова преподавателей: зачем вам алгебра, тригонометрия? Лишнее это, стоишь этим забивать себе головы?

Поздно разобрались в обмане. А до армии где можно постичь эту грамоту? В темном селе Попадьине Ленинградской области? Хотелось учиться, но нужда погнала скитаться плотником по необъятным просторам России.

После армии и курсов пошел на Волхов рабочим. Работал котлованы под шлюз и плотины, и хотя ушел с Волхова десятником, но тайну планировки и вычисления земляных работ так и не постиг. Но знания кое-какие расспросил да на курсах десятников взял. И когда в 1926 году знаменитый прораб предложил проложить ветку железной дороги за Ленинградской заставой, — струсил сначала. Пугала самостоятельность. Потом решился.

Пришлось засесть за учебу. Упорствовал днем и ночью, одолевая горы формул и сложные правила строительства. Постиг сокровенное, вскрыл тайну инструментов.

Трудности не исчезли и в ходе строительства, но ветку все же построил.

Развалисто и твердо подошел артельщик грабарей.

— Чому, Иван Васильевич, защитали мало кубов пятнадцатый резерв?

— Ведь нечего там выбирать было. Вода сама за в Днепр землю смыла.

— Иван Васильевич, не ждал от тебя этого. Стоит ли твоё внимание мелочь эту брать?

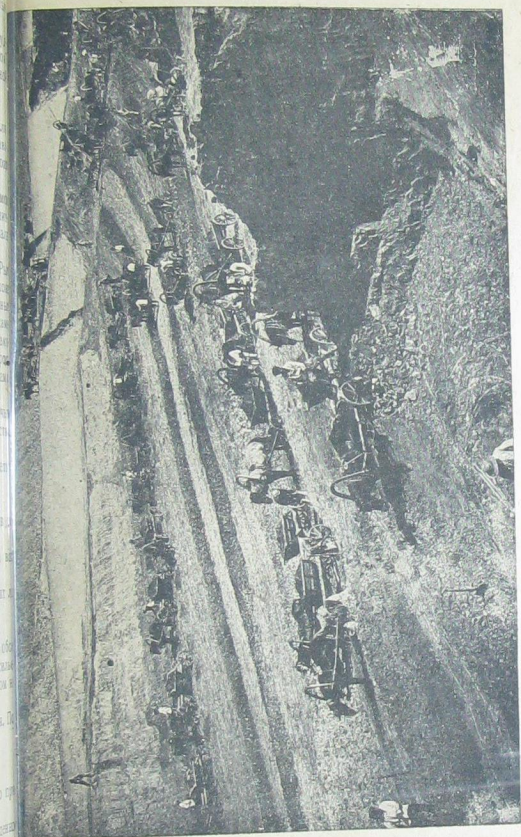
— Полагается.

— Эх, и скуп ты, добрей будь и прибыльнее будет обоим. Не твое, ведь. Воротишься от меня ты, Иван Васильевич. Зашел бы когда, раздавили бы бутылочку. Разом и день, ведь, работать...

— Незачем, начинайте — перебил Бурышев отходя. Подумал: — ну и шельма же. Ишь покупает.

Грабарский поселок. Крохотные землянки, словно приклеенные к скалам.

Под деревянным навесом обедают грабари. Обеденное время приходит к концу.



Грабари в камере шлюза.

— Бач, нарыли, — худощавый старичок показал вдалек на широкий коридор первых камер шлюза.

— А для чего?

— Шлюзу делать будут, чув я, рабочие на путях так говорили, — пояснил молодой рабочий.

— Що за шлюза?

— Та прорижемо мы канаву й буде пароход нею ходити.

— По загранишному, значить, — залился смехом старик. В такой крепости прорыть? Не камень, а зализо.

— Чего смеешься, — обиделся молодой, — а сам хвастал, что був в Амерыци канаву рыли громаднишу.

Старик покачал головой.

— Та хибя можно нам ровняться до Америки? То Америка, а то мы. Америка та й то казали лит с тридцать строил. Все начинали та кидали: и французы и немцы и амерканы. А куда вже нам. Пусте дило. До кинця свита копати будемо.

— Немало лет работали мы там, та тилько повернуло нас мало. Лихорадка пожерла. А заробиток — ой, пущышени домой попривозили.

Старик вздохнув продолжал:

— Та хай наши выгадывают. Нам що, абы заработок был, а там...

— Заработаешь — зло перебил молодой. — Не заработок, а недоидки от хозяинов маешь. Восьмеро тут нас, а копейки свои только в пятох. Сам ты звешься членом артиллерии, коняки своей не имеешь. Чья она? Хозяйская. Генерал без солдат. Опустив глаза, старик молча слушал.

— Пожаловаться, а кому, — с сердцем воскликнул молодой грабарь. — Бач, рабочие на путях так в союзе. А мы...

— Тыхше, дурной, — испуганно оглянулся старик. — Кричи боже, хозяин почуе.

★ ★ ★

С каждым днем на берегах Днепра вырастали все новые и новые штабеля досок, сосновых бревен, четкие квадраты шпал. Громыхали груды рельс. С нового раз'езда „Шлюзовой“, заодно горланя и пыхтя, двигались на новых путях паровозы. К легкому запаху степных трав примешивался острый запах соснового леса и смолы. Лихорадочно велись вспомогательные работы: постройка складов, жилищ, вооружения железнодорожных путей и раз'ездов. Строились временная силовая станция, опалубочные, механические мастерские, лесозаводы.

Все сочнее, все гуще и смелее становилась песня рабочих. Перезванивалась сталь топоров, пели пилы. Все громче и шире заполняли степь человеческие голоса.

Биржа труда Запорожья, Кичкасский пункт учрабсилы ежечасно бросали на строительство новые партии рабочих. Из разных концов страны тянулись на Днепрострой люди: орловские каменщики, ярославские плотники, тульские костромские, черкасские землекопы, кременчугские каменоломы. В плотниках, каменщиках, штукатурах для разворота жилищных работ сейчас особая нужда. Днепрострой к рабочей волне не готов. Строительство остро переживает жилищные трудности.

Техник Чинов так рассказывал о том, как он с товарищами добывал себе жилье:

— Приехали мы, каменщики, из Горловки. Смотрим, живут рабочие в неоконченных бараках, под наспех сбитыми навесами из досок, а многие прямо на скалах со своими сундуками. Стали мы присматриваться. Решили сами себе барак подыскать.

Как-то, после работы, с товарищем на поиски пустились. Ходили между неоконченными постройками. Слышим из одного барака наружу рвутся песни, гармошка. Заглянули. Барак почти готов. Ничего не сказав, назад за товарищами. Эх, мать честная, что будет. На захватничество пойдем. Пришли. Все разом в барак ввалились. Суматоха поднялась. — Кто вы? Чего надо? Вон! Чуть до драки не дошло. Окончилось тем, что полбарака мы все же заняли.

Жилищные работы форсировались. Несказанно быстро, в две недели вырос Мелисиновский поселок. Жилищная лихорадка слабела.

Обескровил, иссушил свирепый июльский зной траву, степные цветы. Хлеба за Вознесенкой в золотых переливах. Они налились солнечной силой, набухли радостным плодородием. Ветер слегка качает, их и они поют смело и шумно.

Блестят на солнце коричневые тела обнаженных до пояса грабарей, землекопов, путевых рабочих. Душно.

Все шире и гуще опутываются участки степи и берега железнодорожными линиями. Все глубже и дальше идет канал камер шлюза. Длинными косыми террасами широкими извилинами тянутся по бокам стен спуски, ведущие ко дну шлюза. В вечном движении цепи грабарей.

Все выше, стройнее и величественнее растет насыпь моста через камеру шлюза.

Земляные работы по шлюзу и верхнему подходу идут форсированными темпами. Грабари подбиваются уже к гранитным пластам. Вглубь вгрызается шлюзовый канал. Все чаще звенят лопата и лом, ударяясь о скалу, о черепа валунов. Скоро откроются солнечному свету гранитные



Бригада каменоломов
карьера „Дурня“.

пласты. Скоро заговорят гранитные скалы взрывами дин мита и аммонала.

Ярко сверкают в руках грабарей острия лопат. Лозы и ритмичны движения рук.

Длинной цепью взбираются на горы и спускаются забоям шлюза колымажки. По мягким пухлым откосам сыпай оврагов шурша скатываются ко дну груды земли. Громадными темносерыми облаками повисла пыль за участками работ.

Грабари, нагружая колымажки, с любопытством посматривают на группу незнакомых людей, обходящую с Малисиновым объекты работ.

— Не по нашему белькочут.

— Амерыканци, мабуть.

— А тот передний, какой же он. Бач—ножки коротенькие та товстеньки, а живот и сам — наче бомба. Не идет, а перекачивается.

Человек, которого так критически встретили грабари, был полковник Купер, глава Американской консультации Днепростроя. Осматривая работы,—он удивленно остановился, наблюдая работу грабарей.

Брезгливо отплевывался:

— С такой азиатской механизацией далеко не поедешь Варварские приемы. Лошаденки—и мировая станция. Нужны экскаваторы.

— Да, нужны.—Спокойно говорил сопровождавший его Мелисинов,—но их нет сейчас. А мы пока и лошаденками постараемся справиться.

Простое лицо Мелисинова с чуть косым разрезом пытливых глаз невозмутимо спокойно.

Купер долго стоял, следя за четкой работой грабарей. Ироническая улыбка играла на его губах.

Пронзительный свист ударил в уши грабарей.

— Эге, хлопцы, артельщик знак подает, ухо остро держи, что-то есть,—и старичок насторожился.

Издали приближался кто-то незнакомый.

Бросив лопаты, подошли грабари со стороны.

— Работается как? От рабочего комитета узнать пришел. Не имеете ли обиды какой от артельщиков?

Не ожидали грабари, растерялись. Сверлящим взглядом смотрел артельщик на грабарей.

— Говорите, чего молчите?

Старичок прервал молчание:

— Чего там, все як слид.

Разбойничьим свистом скован рот.

— Так что же, все в порядке?

— А яки там жалобы?—рукой махнул старик и пошел к коню. За ним медленно поплелись и остальные.

— Что же ты,—напустились на него грабари.

— А вы шо? Чего, словно репяхи к хвосту прицепились? Скажешь—выгонит.

Власть артельщиков над грабарями велика. Получая деньги за работу, они сами расплачивались с грабарями, сами принимали грабарей, выгоняли нежелательных. Особенно тяжело было безлошадным, работающим на чужих лошадях. Контроля над артелями еще не было никакого. Артельщики широко пользовались этим в своих интересах.

К ноябрю вскрыша земли первых двух камер шлюза была закончена. В условиях осенней непогоды работы были особенно тяжелы. Вода, размывая и отваливая откосы, неслась с высоты грязными потоками, на дно глубокого корыта камер, в котлованы верхнего и нижнего подходов.

В грязной холодной кашне работали грабари. Тяжелая полужидкая земля стекала с лопат, просачиваясь между досками колымаг. Вгрузали колеса подвод, вязли и скользили ноги лошадей.

Земляные работы подходили к концу.

Окончание крупных земляных работ, намеченных по плану Главинжа, повлекло за собой массовый раз'езд барей.

Начали раз'езжаться и сезонники строители. Напряженные работы резко упало.

Надвигались холода, а к концу месяца внезапно ударил морозы.

Веденеев подошел к окну кабинета и широко открыл шторы.

В правом протоке плотники кончали рубку ряжей, замыкая в кольцо перемычки участок Днепра. Вагонетки целыми поездами подбрасывается камень для засыпки жевых пустот.

Взгляд Веденева скользнул по беспокойной темной поверхности Днепра и остановился на противоположном берегу.

Сооружение перемычек в левом протоке еще не началось, а уже осень, и ждать больше нельзя, — думает главный инженер.

Высокий и немного сутулый опустился в кресло.

— Если задержимся с работой и упустим конец строительного сезона, — год будет потерян, и срок выполнения работ по плотине не будет выдержан. Виною всему — неуполномоченные иностранными фирмами торговые договоры.

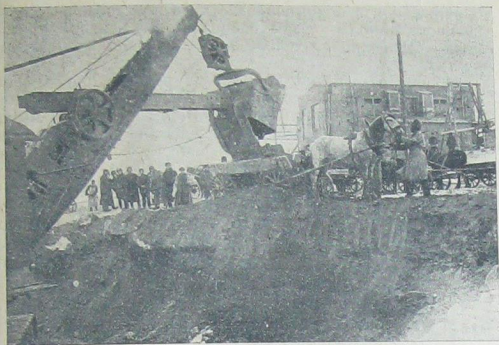
Надо искать выход, допустить срыва сроков работы нельзя.

Веденеев погрузился в мысли, подводя итог многодельной напряженной работе, тщательно продумывая, тщательно анализируя предложение фирм — немецкой Симе Бауннон и американской Х. Купера. Он осторожно разбирал, тонко сопоставлял свои методы работы с предложениями проектами иностранных фирм, учитывая все моменты предложенных планов.

Немцы думают начать работу одновременно с двух берегов. В среднем наиболее глубоком протоке они предлагают построить перемычку с донными отверстиями, вводя в левом и среднем протоке отдельно стоящие бетонные быки с закрытием промежутков между ними стальными шандорной стеной.

Для этого сейчас же необходимо иметь специальное оборудование, пловучие буровые станки, балки Грея, необходимо наличие бетонного и дробильного заводов.

Все это очень сложно, это оттяжка начала работ, — недостатки. Достоинство — ведение работ одновременно с двух берегов, это ускорит окончание сооружения плотины.



Экскаватор.

Купер же предпочитает вести работы способом ряжевых перемычек. Этот прием показал уже свою успешность при сооружении Волховской станции. Он проще и дешевле.

Веденеев склонил над вычислениями седеющую голову.

— Это сэкономит от $1\frac{1}{2}$ до 2-х миллионов рублей. Это плюс — но предусмотрено выполнение этих работ на год позже — ввиду предложения Купера вести их только с одного берега, — это плохо. Время ведь пред'являет уже счет.

— Надо работы вести одновременно с двух берегов и испытанным методом ряжевых перемычек. Все необходимое налицо. Есть лес, есть плотники, каменоломы. Шлюз и "Дурная" дадут камень.

Винтер *) в Москве. Веденеев взял чистый лист бумаги.

— Необходимо мнение Александра Васильевича.

Наступили тяжелые дни: надо немедленно приступить к сооружению перемычки в левом протоке Днепра. Таков приказ главного инженера.

Вечером в кабинете старшего прораба земельно-кальных работ состоялось первое расширенное заседание инженерно-технического персонала.

Совещание вопрос о подготовке камня разрешило быстро. Руководитель взрывных работ Сухаревский и руководитель буровых работ Писаренко добычу нужного коли-

*) Начальник строительства,

чества скалы находили вполне возможной, так как кос бурильщиков и подрывников есть, а краткосрочные курсы на месте пополнят ряды специалистов. Бурение вруч может быть широко использовано. Запасов взрывчатки хватит.

Но при разрешении вопроса о транспортировке камня с карьеров прорабы разошлись в мнениях. 30.000 кубометров скалы! Как и чем их перебросить с шлюза к перемычке?

Посыпались предложения: устроить насыпи и подавать камень вагонетками, проложить широкую колею для паровозов, доставлять камень канатной дорогой. Наконец, вышло слово Мелисинов. Говорил не спеша, вопросами.

— Сейчас пути к перемычке со скальных карьеров стоит прокладывать? — Нет. Это съест уйму времени и средств. Да паровозов и платформ в достаточном количестве нет.

Механизмы — экскаваторы, краны есть? — Тоже нет. Только первыми ласточками прибыли „Марионы“.

Прорабы с интересом уставились на Мелисинова.

— Скажите мне, нам пути нужны? — Зима к нашим услугам. словно по заказу проложила чудесные дороги.

— Механизмы? — Есть грабари.

Многие прорабы заулыбались.

— Что вы, Василий Григорьевич, 30.000 кубометров за два месяца грабарями?

— Да, да грабарями. Иных средств у нас не имеется, да откровенно говоря в настоящий момент и не надо. Зачем заниматься механизацией ради механизации. А грабарики себя оправдают.

Посыпались упреки, обвинения, шуточки.

— Пора нам отходить от грабарей.

— Мы к технике, а вы нас назад тащите.

— В консерватизме застряли вы, Василий Григорьевич.

Мелисинов, пощипывая клинок рыжеватой бородки, возмущенно продолжал.

— Я не против механизмов, но ведь их сейчас нет. И пальца их не высосешь.

Старший прораб присоединился к предложению Мелисинова.

Расходясь все же многие уносили с собой недоверие. Что же, так как нет ничего лучшего, попробуем и грабариками.

★★★

Разнуздался декабрь. Гулял лихими метелями. Дул морозами, иступленно бросался снегом.

Начались работы по установке ряжевых перемычек. Засыпка их скалой в левом протоке Днепра. Группы рабочих, артели плотников, чернорабочие устанавливали ряды

Добыча скалы охватила первую камеру шлюза, остров "Черный", скалы "Дурную" и "Сагайдачный".

Напряженно работали бурильщики, подрывники, каменоломы, вызванные телеграммой грабари.

Словно на фронте, громыхали взрывы, кромсая морозный воздух и несясь навстречу вьюге.

Удары ломов и гремеров, звон долот, пулеметный бой перфораторов — сплелись в один стройный, необычайно мощный оркестр.

Дробили великаны валуны, разбивали гранитные лысины, снимали ржавчину — жорству, покрывшую гранит. На обоих берегах Днепра рыли котлованы камнедробильных заводов.

В утренние и вечерние зори, в обеденные перерывы на берегах Днепра тяжело и грозно перекидывались громы, идущие из глубоких скальных недр. Сотрясался Днепрострой. Дребезжали, трескались стекла бараков и домов.

В берега Днепра вонзились, рыча и отплевываясь гранитной пылью, стальные сверла перфораторов. В мельчайшей каменной пыли, в гуже, огне и дыме закалялись работники буро-подрывного отдела. Они заставили заговорить и раскрыться гранитные заповедники.

Каменоломы разрабатывали раскрошенные взрывами гранитные пласты. Долбили кирками мерзлый грунт. Клином, зубилом насакали ямки в гранитных кусках и раскалывали их тяжеловесными темерами на более мелкие части. Измельченный до нужной величины камень складывают в штабеля.

Километрами тянулись грабарские колымажки к левому берегу Днепра.

Начинался конский путь со скальных карьеров, проходил ледяной дорогой через Днепр.

Лошади, напрягаясь и хватаясь копытами за малейший выступ и шероховатости дороги, вбирались по дощатому настилу со льда к ряжам и, пройдя мимо них, сопороженными телегами снова возвращались к скальным разработкам.

Громадные деревянные ряжи, разбитые на многочисленные квадраты и опущенные в широчайшие проруби, жадно глотали тысячи кубометров скалы. Ряжевые колодцы верхней и нижней перемычки стояли поперек течения. Черные бурлящие воды Днепра набрасывались на ряжи, стремились их опрокинуть. Но ряжи тяжелы и устойчивы.

Между работой грабарей и каменоломов — полная согласованность. Но такая связь не только между ними. Во всей работе органичность, неразрывность. Каменотес связан с каменоломом, каменолом с подрывником. Затормози работу одно кольцо, и круг прорван, ход работы нарушен. И не только это. Успех выполнения задания — дать к па-



Команда подрывников.

водку перемычки — зависел от своевременной установки ружей гидротехническим отделом.

Каждый отдел, каждый участок — напрягал все силы, чтобы не отставать, не быть тормозом, не нарушать общего хода работы в установке перемычек в левом протоке Днепра.

А в заготовке скалы действительно отстали, а февраль на исходе, и паводок ждать себя не заставит.

Мелисинов подтягивал десятников.

Член рабочего комитета Голтелов на участках работы сушил, в обеденные перерывы, после смен проводил собрания, беседы, объясняя важность своевременного окончания перемычек, организовывал рабочих на ликвидацию отставания.

— „Не дать камень — сроки сорвать, плотину во время не окончить. Приналяжьте, ребята, весна близка и грозна — говорил он, обходя участки работ каменоломов.

Каменоломы подтянулись, скала пошла.

Ежедневно точно к девяти часам, пересекая Днепр, приходил к работам Веденеев.

Крупный и стройный, медленно обходя участок, он наблюдал, тихо расспрашивал, просто давал нужные советы. Его слова, сказанные мягко и как бы застенчиво, были:

коннее приказа. Они были продуманы, глубоки, технически безошибочны.

В широкой ясной голубизне глаз иногда чувствовалось беспокойство.

— Ну, что? Успеете засыпать эту штуку к ледоходу?

— Будьте покойны, Борис Евгеньевич, сделаем.

Верхняя и нижняя перемычки, набухшие и отяжелевшие, набитые до верху камнями — прочно легли в левом протоке двумя широкими грядами от берега к острову „Черному“. Между ними широкое спокойное озеро. Участок озера предстоит уже разработать после паводка. Вдоль ряжейложены на каменной, свежесыпанной дороге зигзаги рельс. Бегают паровозы, за ними новые самопрокидывающиеся платформы-думпкары.

Важно задрал кверху черную стрелу кран „Индустриал“. Рабочие стальным тросом прикрепляют к гаку металлическую, тяжелую „бабку“ для забивания стальных шпунтов. Шпунты укрепляют перемычку, делают ее неприступной для стихии Днепра.

Небольшая группа грабарей заканчивает засыпку последних ряжей.

К Голтелову, отделившись от группы, несмело подошли два грабаря: сухенький старичок и краснощекий крепкий олодой.

— Вот, товарищ рабочком, — начал старик, нерешительно ерemiнаясь с ноги на ногу.

— Ну говори, дед, чего замолчал?

— Кажи, дед Василь, а то я, — молодой ступил вперед.

— Нет, стой, Грицько, я буду говорить, — и дед, волнуясь, рассказал Голтелову о непорядках в артели, об артельщике.

— Вы вже, товарищ, накажить его, — просил старик. Годи ну наживаться на нас. А я досыплю ряжи та домой поеду. колхоз вступаю, гуртом будем работать.

— Ладно, дед, все разузнаем, приубавим аппетит, свяжем руки.

— А ты тоже уезжаешь? — спросил Голтелов.

Григорий весело крутнул головой.

— Нет, остаюсь тут. На пути рабочим иду.

★★

Срок для установки и засыпки перемычек главным инженером был дан двухмесячный. Строители сократили этот срок: За семь недель бросили в ряжи 34.000 кубометров галы.

Один из американских инженеров, на глазах которого начинались и окончились работы по засыпке и установке ряжей, вынул изо рта свою вечную трубку.

— На тощих лошаденках, впряженных в жалкие, сменные тележки, выполнить такую работу! На это способны только русские.

— Большевики — поправили днепростроевцы.

Год спасен, задание выполнено. Стихия Днепра поведена. Первые успехи воодушевили, ободрили. Они дали возможность смело и бесстрашно смотреть в будущее.

Первый экзамен днепровские строители выдержали. В этой работе днепростроевцы получили первую закалку — это было собирание сил для будущей тяжелой, технической сложной и многообразной работы.

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Перевод с украинского

VI РАЗДЕЛ V ГЛАВЫ ИСТОРИИ ДНЕПРОГЭСА

28 марта и 16 апреля 1932 г.— исторические даты на Днепрострое. Первая дата знаменуется укладкой последнего кубометра бетона в гребенку. Это дало возможность победить стихию Днепра, подпереть могучей грудью плотины весеннее половодье, поднять его до 37 метров и обеспечить необходимое гидравлическое давление для турбины. И 16 апреля Днепр впервые ринулся сквозь открытые ему шандоры в спиральную камеру и послушно завертел первый гидрогенератор.

Эти победы были на стороне бетонщиков-строителей и механо-монтеров. Но они не завершают выполнения общестроительного встречного. Теперь судьба встречного, по которому пролетарии Днепростроя обязались перед партией и правительством дать ток первого мая— целиком зависела от электриков. Наступило время, как будто небольшой, но наиболее сложной, наиболее ответственной работы. Нужно было провести, правильно присоединить к генератору тысячи кабельных нитей смонтировать и проверить сотни сложных аппаратов.

Апрель у электромонтеров был месяцем чрезвычайного напряжения в работе, в частности в последние предпусковые десять дней. Время каждого—от руководителя до рядового монтера—рассчитано до секунды. Каждый участок, бригада, каждый рабочий имел точные и четкие задания на декаду, пятидневку, на смену, на час. И каждый старался не только выполнить, но и перевыполнить свое задание, добиваясь выполнения встречного в целом, стремясь окончательно оборудовать и проверить электроаппаратуру, чтобы с честью встретить праздник пролетариев—Первое Мая полным выполнением обязательства перед страной—пуском в эксплуатацию гидрогиганта.

... В 24-м часу ночь еще гуще заволоклась туманом, нахмурилась и тяжелой тьмой давила на электролампы, освещавшие корпуса гидростанции. Зарево плотины как-будто

ширмой отделяло ее от ДГЭС'а, и только бурный шум водопадов прорывался сквозь сырую воздушную массу.

Пасмурная погода еще больше напрягала работу электриков на участке прораба Левина. И, хотя уже оканчивалось время второй смены непрерывного монтирования размягченные мускулы просили отдыха, но общий огонь напряжения отгонял и усталость и сон. В представлении каждого первые днепровские огни, которые должны засветиться через несколько дней, за которые борются уже пятый год, которых нетерпливо ждет вся страна.

Но эти огни могут и не засверкать, если они — электрики участка Левина — не успеют своевременно и правильно присоединить и прозвонить 1.500 — целый лес, кабельных концов в генераторе, не оборудуют в шахтах машинного зала все электроаппаратуры.

По плану эту работу необходимо закончить завтра — 24 августа в 4 часа дня. За это время, после монтирования, строители должны выполнить еще множество мелких доделок, а потом электрикам еще раз необходимо будет произвести проверку каждой нити, каждого винтика. И потому, как будто и не сговариваясь, после гудка первой смены все остались на своих местах. Сирены уже оповестили о конце второй смены, но никто и не заикнулся о шаше. До пуска остались считанные часы...

Левин глянул на циферблат — начало первого: решил поспать. Физическая усталость усиливалась и требовала отдыха, хотя спать уже не хотелось. И в эти решающие часы разве можно уснуть, хотя бы и нашлось время? Но Левин понимает, что силы бригад, силы каждого монтера сейчас нужно бережно охранять и очень рационально использовать. Он быстро сложил свою кенотронную аппаратуру и пошел по длинным бетонным тоннелям, переплетенным кабельными проводами, к бригадам, чтобы объявить перерыв до завтрашнего дня. Но увидел, что это невозможно. Каждый работал с таким увлечением, что — казалось Левину — один намек его на „шашу“ вызовет со стороны бригад волну возмущения, как к руководителю, который не выдержал и сдает свои позиции. Он слышал, как стучат, звенят, дребезжат аппараты и машинки, и гулко перекликаются бодрые голоса монтеров: „не уйдем, пока не окончим“.

Левин, хоть и прораб, хоть и руководитель этих людей, но все же язык его не повернулся сказать „шаша“, и он сам не выдержал — снова направился к кенотронной аппаратуре.

Через час начальник электромонтажа Долина хотел административно заставить бригады Левина сделать перерыв, но тоже не смог. Электрики с успехом на день раньше оканчивали прозвонку.

— Вот черти полосатые! — Его круглое лицо, которое могло быть смеющимся, а когда нужно суровым как скала — теперь удивленно расплывалось от радости.

Долина, засучив рукава, взялся и сам помогать бригадам.

На следующий день руководство решило устроить электрикам выходной день, чтобы восстановить силы для последнего решительного штурма. И хотя никто из них уже второй месяц не имел выходного, однако и на этот раз сразу никто не ушел с участка. С утра каждая бригада делала свое дело. Одни проверяли свою же работу, намечали новые работы, другие увлекались изучением техники эксплуатации машин, чтобы после монтажа немедленно самим приступить к работе.

Но в то же утро штаб, созданный партийной и комсомольской организациями, целые сутки связанный со всеми участками и в случае отставания на каком-либо участке немедленно посылавший туда помощь — получил тревожное сообщение. Строители в первом блоке, где стоит главный трансформатор, не успели забетонировать отверстие, из которого выходят вверх кабеля высокого напряжения. Беда была бы невелика еще, но в это время как нарочно из этих туч полил ливень и в одно мгновение затопил весь блок, муфты и кабеля. Между тем эти кабеля имели важное назначение, без их правильной работы нельзя было и думать о пуске машин. Все электрики немедленно, забыв о выходном, бросились на помощь строителям, на ликвидацию аварии.

Надвинулась угроза срыва пуска. А во время ликвидации аварии эта угроза еще увеличилась. В маслянке лопнула труба, и всю муфту залило маслом: мостики раз'единения трансформаторный щиток сделались совсем непригодными для пуска. А время шло. До пуска осталось два дня.

Прораб Левин и мастер Шестопалов немедленно выделили для ремонта испорченной аппаратуры лучшие комсомольские силы. Электрики Леви, Шепилев и Юрнев день и ночь (отказавшись даже тратить время на хождение в столовую — обеды им приносили на работу) штурмовали аварийный участок. Щиток и муфта были снова высушены, оборудованы: муфту залили мастикой, щиток прозвонили.

29 апреля за день до пуска осталось сделать последние операции с прозвонкой. Эту работу нужно было проводить с верха выводной будки. Но снова пошел дождь и сделал невозможной электропроверку.

Комсомольцы Леви и Юрнев, а также инженер Цимбал, которым была поручена эта важная операция, целый день работали под дождем, закрывая плащами коробки, где соединялись кабеля, чтобы туда не попала ни одна капелька, и

старались хоть медленно прозванивать их. Но к вечеру дождь еще усилился, и работу пришлось остановить.

Молодой электрик Леви, едва сдерживая слезы, сообщил Долине о прекращении работы. Долина понял, что другого выхода, кроме временного перерыва для прозвонки нет. Он старался ободрить бригаду—хватит, мол, еще времени на прозвонку. Но подбадривая комсомольцев, он сам был изнутри взволнован новой угрозой, хотя никому о ней не говорил.

Вчера на коротком предпусковом совещании высшего руководства, профессор Толвинский, которому было поручено руководство испытанием всей системы гидроэлектростанции, заявил о невозможности пуска первого мая. Естественно, что прозвонка теперь для Долины была мелочью по сравнению с переносом всего пуска. Вся прежняя борьба теряла свое значение.

Он еще раз попробовал уговорить Толвинского и Толсона—представителя фирмы „Дженераль Электрик“,—чтобы найти выход в отношении испытания и первого мая все-таки дать промышленный ток. Тем не менее Толвинский упрямился, держался своего мнения. Он доказывал, что нельзя ставить агрегат под нагрузку, не испробовав его высоковольтными напряжениями, ограничившись испытанием на постоянном токе.

Долину сильно возмутил такой ответ. Его пылкая натура, возбужденная еще свежим впечатлением развернутых в штурмовых ночей, никак не могла сразу согласиться, чтобы огни Днепра не загорелись в обещанный срок.

Он еще раз попытался доказать высшему техническому руководству возможность пуска агрегата первого мая. Но не встретив необходимой поддержки, грустный возвратился на свой участок. Он даже побледнел от злости. Нервно бродил в одиночестве в своем кабинете. Никак в голове не укладывалось, чтобы всю колоссальную работу, штурмовые и бессонные ночи самоотверженного труда тысяч пролетариев на грани полной победы—свести ни к чему. Это все равно что взять и вылить воду на огонь, разведенный с такими трудностями.

До поздней ночи сидел он за столом, проверяя в десятый раз схему, чертежи и упрямо вычисляя ампераж, технически обосновывал свои мотивы пуска, чтобы отбросить при их помощи мотивы Толвинского.

В это время в кабинет вбежал Раткоп и, быстро приблизившись к Долине, возбужденно от радости крикнул:

— Пускаем! Иван Ильич, пускаем!—ухватил Долину за толстые плечи, торжествующий от побед, готовый расцеловать.

И, не дождавшись ответа, рассказал ему, что авария в блоке с успехом ликвидирована, прозвонка закончена. А главное—

лабораторные испытания всех бронированных сооружений, всей электроаппаратуры пульта и соединения линий ДГЭС'а (тем руководил он) — дали прекрасный результат. Но рассказывая об этом, Раткоп быстро заметил внутреннее беспокойство своего руководителя.

— Что случилось, Иван Ильич?

Долина медленно поднял глаза и остановил измученный взгляд на юношеском с острыми чертами лице Раткопа, на его серых умных глазах:

— Лева...

Проговорил он медленно, вздрагивая от волнения, как кто перед этим плакал.

Некоторое время сидели молча, вперив друг в друга взгляд, как будто изучали один другого. А через несколько минут кабинет был уже наполнен активом электриков.

Долго стояла мертвая тишина. Каждого как будто камнем оглушило. Ведь это они два года тому назад пообещали комиссии ВУЦИК'а, работавшей на Днепрострое, дать первый пуск к первого мая. Дать энергию стране на полгода раньше запланированного срока. И, выполняя это обещание, какую и выдержали борьбу с неуверенными, оппортунистами! Сколько положено ударного труда. Сколько бессонных ночей прошло в напряженных горячих штурмах, в попытках ускорить на практике внедрить идею Ильича об электрификации страны! А теперь, когда все было подготовлено к генеральному испытанию агрегата, чтобы нагрузить его промышленным током, когда вплотную приблизились к финишу — их остановили.

«О, как тяжело было нам, гражданам Советского Союза, когда мы узнали, что пуск первого мая не разрешен» — вспоминает теперь беспартийный инженер-электрик Левин.

В ту же ночь, 29 апреля, был четко разработан новый проект испытания генератора по кенотронному способу, дававший возможность рассчитывать на промышленный ток к первого мая. Тогда же было решено на следующий день снова обратиться с этим проектом к главному начальнику строительства Винтеру с требованием не оттягивать пуска.

На следующий день утром в зал пульта вошел заместитель начальника строительства Михайлов. Он тоже всю эту ночь обдумывал план, чтобы не сорвать инициативы масс пустить агрегат по встречному. Не успел он еще как следует проверить установленную аппаратуру, как его окружила группа рабочих, молодых инженеров в составе Раткопа, Левина, Семенова, Лепина, Польского и друг. и начала просить разрешить им пуск первого мая. Показав разработанный им ночью новый проект пуска, технически обосновав его, они сообщая с горячностью, присущей молодежи, закончили:

— Мы просим вас, Василий Михайлович, разрешить нам настаивать на этом. Наконец—требуем!

Что мог ответить Михайлов, как руководитель, как старый большевик на эти, вполне обоснованные требования масс дать им возможность с честью встретить свой праздничный праздник — победой мирового значения? Конечно, отказать им он был не в состоянии. Вглядываясь в горящие глаза юношей, горевшие стремлением хоть сейчас начать пуск, он пообещал им помочь в этом, принимая во внимание все те предупреждения Толвинского и Томского о рискованности пуска машины по такому методу.

Мистер Мике со своими коллегами американцами бродил в этот момент проверку аппаратуры и удивленно оглядывал рабочую молодежь, наступавшую с такой смелостью на свет начальника. Эта картина еще больше подчеркнула контраст между системами работы в их капиталистических странах и Советском Союзе, противоположность отношения рабочих к производству и к его задачам.

Когда они в Америке видели стачки, рабочие наступали на хозяев с требованием увеличения зарплаты, обещания труда, с угрозами сорвать ход производства — тогда наоборот, перед ними группа рабочих, инженеров, отрывавшаяся от отдыха—упрямо требует от руководителя возможности завершить начатую ими работу.

30 апреля, в последний день перед сроком пуска, до самого вечера никто из электромонтеров, а также и с других участков не знал, будет ли завтра пуск или не будет. И только в четыре часа дня еще раз было созвано совещание наиболее ответственных инженеров, которые должны были руководить пуском. Это совещание состоялось уже в то время, когда надежда на пуск первого мая была почти утрачена.

Судьба пуска была сейчас в руках совещания, имевшего историческое значение на Днепрострое, названного совещанием в комнате № 42 (т. е. в кабинете Винтера).

И хотя Долина был срочно вызван на это совещание, он не успел никого предупредить, чтобы не расхотелись, как не менее никто из электриков с работы не ушел. Наоборот, они без приказа своего начальника, не представив еще результатов совещания, сознавая только ту громадную ответственность, которая ложится на них, если разрешат произвести завтра пуск — еще раз проверили щиток, испытывали главный трансформатор и генератор. Была еще разработана расстановка всех сил на случай пуска.

Произведя проверку, расстановку, вполне подготовившись к последнему штурму, электрики выделили "нелегальную делегацию" на совещание в составе лучших молодых инженеров Раткопа и Семенова. На совещание их не приглашали; совещание было узкое, закрытого типа. Конечно,

наши „делегаты“ попасть туда не могли. А поэтому они, тихонько устроившись в приемной Винтера, использовали каждую мельчайшую щель в двери комнаты № 42, чтобы уловить хоть тон звуков, если уж целые фразы были не-тоняты, уловить направление совещания и немедленно обо всем передать по телефону на пульт, откуда они посланы. „Делегаты“ слышали, как за дверью шли бурные споры и даже ругань, как сходятся в теоретическом бою по технике два лагеря: Толвинский и Томсон за то, чтоб отложить, а Долина, Гарин и Михайлов за пуск.

Третья сторона, от которой зависела и правота спорящих сторон и пуск, молчала. К ней принадлежал Винтер. Он внимательно выслушивал то одну сторону, то другую, которые старались перед ним и теоретически и практически побороть одна другую в технике. Видно было, как иногда пробегали черты суровости на его лице и медленно передвигались под густыми с легкой проседью бровями серые глаза то на одних, то на других. Медленными движениями, как бы боясь прервать мысль высказывавшегося, раз за разом что-то подчеркивал у себя в блок-ноте и снова, облокотившись на ручки кресла, молчал.

„Делегаты“ слышали, что совещание колебалось как поставленное на весы: то одна сторона начинает перетягивать, то другая. В частности, были понятны „подпольщикам“ события за дверью из горячих острых, громких выступлений Долины. Когда он начинал доказывать совещанию политическое, экономическое и даже моральное значение пуска и обосновывал технически возможность генерального испытания генератора по кенотронному способу — то, казалось, вся тяжесть совещания перешла на сторону электриков. И „делегаты“ в это время радостно жестикулировали руками: „так, так их, правильно“. Но когда снова начинал Толвинский, как профессор-электрик доказывать тонкими техническими мотивами, что „нельзя самый большой в мире агрегат, который стоит 750 тысяч долларов, пускать, не испытав его высоковольтным напряжением“ (на это необходимо минимум 15 дней), — и тогда начинает перетягивать сторона Толвинского.

О всех этих деталях колебаний совещания „делегаты“ передавали товарищам. Оттуда беспрерывно спрашивали: а что же говорит Александр Васильевич? (это о Винтере). — Молчит, — был ответ.

И это Винтерово молчание, как гипноз, передалось на пульт всем электрикам, и нетерпение мучило их.

Бригада обмотчиков Рыбинцева — одна из лучших бригад электриков, в состав которой входили три лучших комсомольца и кадровый рабочий, коммунист Рыбинцев. Но сегодня, когда они узнали, что пуск перенесен, они хо-

дили пасмурные. „Люди ходят из угла в угол, — пишет в своих воспоминаниях Рыбинцев, — молчаливые, грустные, ходят с поникшей головой, как будто потеряли жизнь и теперь хотят найти ее... Особенно были мучительны минуты, когда происходило совещание“. А обмотчики все эти дни работали в пятом кратере машинного зала и не были связаны телефоном ни с пультом, ни с Раткопом и Семеновым. „Хотелось полететь на то совещание и просить о слезах, умолять, или до крови подражаться, лишь бы добиться пуска первого мая... Лишь бы не осрамиться перед пролетарской страной и с честью выполнить наше обещание“... „Без пяти четыре дня, меня зовут срочно к телефону на второй этаж... Иду нехотя... Взяв трубку, слышу радостный голос Долины: „Павлуша, крепись! Сообщи народу, что дело на мази. Подготовь инструменты к генеральному испытанию генератора. Ну, давай, Павлуша!“ Я выскочил из телефонной будки, будто пронизанный током радости. Когда я сообщил об этом бригадирам — меня чуть на руки не носили, хотя тогда мы не знали, что Долина позвонит в то время, как только началось совещание, и что даже ему тогда не было известно, чем оно кончится“.

Не меньше переживали эти минуты рабочие и другие участков — и монтеры и строители, так как они все вместе боролись за единое, всем общее дело.

От нелегальной делегации на пульт все время поступали сообщения о колебаниях совещания, о молчании Винтера. Наконец, получено сообщение: — „Винтер заговорил“.

„Одно это слово, — говорит инженер Польский, — вы поставило всех нас на ноги и заставило еще раз проверить главные комплексы электроустановок, хотя нам совсем неизвестно еще было, о чем именно будет говорить Винтер и чье предложение утвердит он“.

Вдруг от Раткопа и Семенова получили торжествующую телефонограмму:

„Пускаем!“

Все быстро в один момент стали на определенные места в боевой готовности к пуску. Все рады до бесконечности, но вместе с тем и обеспокоенные. Ответственность за каждую электрочасть и за агрегат, чем дальше, все больше возрастала.

Четко расставлены монтеры и руководство. Раткопу Левину поручено следить в главном корпусе управления пульте за схемами вольтажа. Гришакову (мастеру) следить за работой главных трансформаторов. Семенову — за испытательной кенотронной аппаратурой и Рыбинцеву — отвечать за правильное раз'единение генераторных шин от трансформатора.

С громадным напряжением снова развернулась горячая

порная работа. Чтобы завтра обеспечить пуск Днепрогэс'а, необходимо сегодня же произвести генеральное испытание генератора по кенотронному способу. Ведь на техническом совещании электрики потому только и победили, что Долине удалось уговорить руководителя фирмы Томсона, что он, Долина, тоже согласится перенести пуск, если кенотронный способ себя не оправдает.

Решено начать генеральное испытание. Но не учли, что машина № 1 работала перед этим на сушке и в кратере, где нужно было присоединить кенотронный аппарат к обмоткам статора, температура поднялась до 62 градусов. Снова возник вопрос, что делать. Из всего этого логически вытекали предложения американцев подождать, пока упадет температура. Но разве можно было с этим согласиться, если на это требуется несколько дней.

Павел Рыбинцев со своей бригадой решительно запротестовал против оттяжки и, наскоро раздевшись, нырнул с аппаратами в горячий, как пламя, воздух кратера. Американцы и некоторые из наших руководителей не верили, чтобы рыбинцевцы могли выдержать в этой печи и выполнить такую сложную ответственную работу. Но через полчаса Рыбинцев выскочил из кратера хоть мокрый и красный, как рак, но все же гордо заявил: „кенотрон присоединен“. Мистер Томсон не поверил, сам пошел в кратер и осмолел,—все было правильно.

Начали включать кенотрон под напряжение. В окна со двора надвигалась уже темная ночь. Все, внимательно следя за часами, в напряжении затихли, как будто они сами поставлены под вольтаж. Послышался в аппарате слабый звонок—это был условный знак, что кенотрон дал в обмотке статора уже 29 тысяч вольт—самое высокое кенотронное напряжение—все присутствующие вздрогнули. Если все части генератора выдержат это напряжение, значит завтра произведенная энергия возможна.

Та одна единственная минута, необходимая для кенотронного процесса проверки—казалось, продолжалась целый час. Наконец, снова звонок: все громко вздохнули. А Томсон взглянувшись, радостно воскликнул:

— О-кей!

Испытание статора показало блестящие результаты. Такие же результаты показали и другие части генератора. В восемь часов вечера испытание кенотрона было окончено.

Но для обеспечения завтрашнего пуска, нужно произвести после испытания еще бесчисленное количество мелкой работы, которой нормально хватит дня на четыре, но для нее осталось времени не дни, а всего несколько часов. Нужно снова проверить все схемы, изолировать воду и оборудовать шины.

Развернулась бешеная работа. Все усталые, измученные

не только от физической работы и бессонных ночей, но и от волнения. Однако, снова никто не ушел домой. Работы кипела и на пульте и в кратере.

В двенадцать часов ночи на гидростанцию пришел Винтер. Заметив, что уже несколько смен без перерыва работают одни и те же измученные люди, приказал всем медленно разойтись и завтра с новыми силами приступить к окончанию. Все поняли, что Винтер прав. Но желающих скорее подготовиться, полностью обеспечить пуск завтра было так велико, что никто не послушался этого приказа. Тогда Винтер, рассердившись, выпрямил свою величественную фигуру (суровое лицо даже посерело, хоть сердце рвалось такой спаянности коллектива и преданности труду), начал выгонять всех из пульты.

Рабочие расходились, хотя дальше усилительной станции никто не пошел. И как только Винтер ушел с гидростанции, все снова как зайцы начали из-под мачт сбегать на пульт.

Коллектив решил не тратить времени на хождение домой, передремать до рассвета на работе.

Рыбинцева и бригаду Винтер тоже отослал отдыхать. Однако, лишь только закрылась за ним дверь гидростанции, обмотчики тоже возвратились к кратеру. Еще с большим воодушевлением, не обращая внимания на жару, превышающую 60 градусов, начали они изолировать шины, смазывать вазелином, готовить их к приему промышленного тока.

Первого мая утром бригада Рыбинцева, пьяная от усталости, вышла из кратера. Температура в нем к утру снизилась только на два градуса.

Они выполнили самую ответственную работу во время и с честью. К этому времени почти вся подготовка на всех участках была окончена. Наступил момент самого серьезного, самого сложного решительного процесса — процесс пуска электрики. Внимательно, по несколько раз проверяли правильность аппаратуры.

На утро первого мая весь многотысячный коллектив днепростроевцев уже знал о пуске. Значительно раньше назначенного времени начали собираться возле дома общественных организаций многолюдные демонстрации. Мороз праздничного народа переливалось в ярких майских лучах и в красном пламени знамен. Торжественно плыло оно по берега на берег через могучую плотину, мимо многоэтажных, четких сизоватых поутру корпусов гидростанции, пультов, мимо ажурных колонн, высоких мачт с огненными гирляндами, которые, казалось, опутали проводами небо, мимо роскошного синего металлического леса усилительной станции.

Электрики не принимали участия в праздничном походе. Они видели только из окон эти могучие колонны победителей. И это их еще больше обязывало и воодушевляло к последнему натиску, к последнему штурму, чтобы сегодня же, пустив Днепрогэс—вместе с теми праздничными тысячами продемонстрировать перед всем миром свои способности, силу и мощь.

Пусковая комиссия решила поставить агрегат под напряжение в шесть часов вечера. К этому времени в просторный зал пульта, где установлены громадные марблитового цвета распределительные щиты, блестящие сотнями белых циферблатов и разноцветных лампочек-сигналов сходились ответственные руководители партийных и хозяйственных организаций. Из этого зала, при помощи самой высокой техники автоматических электроаппаратов, один человек может руководить всей гидростанцией—и рассылкой и регулированием энергии во все пункты потребителей ее: комбинаты, Запорожье, в Днепропетровск, Донбасс, Кривой Рог и т. д.

Долина, Раткоп, Гарин и другие электрики в эти последние перед пуском минуты бегали, суеились, производя последние операции, проверяя пусковую аппаратуру и всю пусковую электросистему гидростанции. Ответственность за пригодность ее к эксплуатации после кенотронной проверки, ответственность за пуск в целом, которую они—электрики—сами взяли на себя, теперь выступила во всей своей полноте. Теперь мелкая недоделка, малейшая ошибка со стороны электриков могла осрамить их навсегда. Ведь пускать такой агрегат, чего с боем добивались электрики на совещании—ни профессор Толвинский, ни американцы не решались. Они боялись, потому что никто в мире еще не пускал такого гидротитана. И вот коллектив работников Днепростроя сам смонтировал, сам оборудовал и смело сам взял на себя ответственность пуска.

К вечеру все росла и росла толпа представителей, переживавших тоже ответственность и геройство электриков, нетерпеливо ожидая первых огней.

Наконец, дано распоряжение пустить машину и произвести пробное включение на временную силовую станцию. Операция включения с военной быстротой и четкостью была выполнена. Но в это время громко с одного высоковольтного фидера вырвался тревожный сигнал сирены и повалил клубами черный дым.

— Авария!—как молния с громовым ударом оглушила всех, и особенно электриков.

Сгорело одно оборудование фидера.

Американцы тоже взволнованно забежали возле аппаратуры. В чем дело? Набросились на электриков: „это, мол, такие

ваши способности"? Электрики тут уж молчали, хоть и были уверены в правильности своей работы. Немедленно выделили в комиссию проверки Раткопа, Семенова и от американцев мистера Кларка. Комиссия быстро проверила работу произведенную электриками — раз, второй раз, однако все включено правильно. Начали проверять включение, произведенное американцами и... длинный, сухопарый мистер Кларк с ужасом разинул красный рот. Обнаружилось, что американцы сами произвели неправильное заземление в бронированных оборудованных.

Американцы, краснея, признали свою ошибку, быстро сменили испорченную аппаратуру новой, приняв на себя все расходы. После этого все снова было проверено, испытано и в шесть часов вечера дано распоряжение — пускать!

Эту ответственную торжественную операцию поручили лучшему ударнику-инженеру-комсомольцу Леве Раткопу. Он твердо, смело приблизился к щиту управления. Русые волосы растрепанно свисали на тоненькие морщинки его лба и придавали еще больше серьезности юношескому с острыми чертами лицу. Десятки глаз ответственных руководителей, выдающихся специалистов сосредоточились на его маленькой фигуре и твердых движениях. Нетерпеливо ждали результатов. Хотя все — и представители, и электрики — целый день следя за операциями, проголодались, однако никто и не думал об обеде.

Подана команда:

— Пуск!

Раткоп твердо щелкнул, повернул включатель щита — стрелка на белом циферблате показала пуск.

— Есть пуск! — ответил Раткоп.

Команда повторялась, Раткоп быстро выполнял ее, повторял: „есть“. Блеснули на щитах желтые, синие, красные сигнальные огоньки — напряжение стало расти. Но вместе с этим электронапряжением в аппаратуре не меньшее напряжение расло у присутствующих, в частности у электриков. Эти минуты казались для них вечностью. Казалось, весь пятилетний до этого штурмовой период был более коротким, чем эти пусковые минуты.

Мистеры Кларк, Шлятер и друг. взволнованно бегали вокруг щитов в своих сплошных зеленых фартухах, нервно раз за разом попыхивая дымом трубок. Мистер Кларк даже побледнел. Тревожно бросал взгляды на циферблаты и тихо шептал: „зеро, зеро“ — это значит ноль еще.

Ведь и американцы под влиянием ударных штурмов электриков увлечены были борьбой за досрочный пуск и теперь держали экзамен на правильное изготовление их фирмой этой электроаппаратуры. Эти слова „зеро“ надолго остались в памяти электриков.

Наконец, Раткоп получил последнюю команду полностью повысить напряжение и переслать его в эксплуатацию. Последний генеральный шаг.

Глаза всех еще больше сосредоточились на Раткопе, на аппаратуре. В толпе тишина, казалось, остановили дыхание...

Но в это время напряжены были не только присутствующие на пульте. С неменьшим нетерпением ожидали тысячи грудящихся Днепростроя тех первых Ленинских огней на этих, пять лет тому назад диких берегах, ожидали результатов своей борьбы со стихией Днепра.

И ровно в шесть часов тринадцать минут Днепр шагнул в турбины, напряг провода новой силой, блеснул огнями и залил электропотоком весь правый берег Кичкаса.

В марте 1934 года от руки классового врага погиб лучший ударник днепровского строительства, орденоносец, герой истории ДнепроГЭС'а

ПАВЕЛ РЫБИНЦЕВ

Авторская группа истории ДнепроГЭС'а:
Башмак, Кузьмич, Дончак, Юрезанский.

НОВАЯ „ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА“ В СОВЕТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

К ИСТОРИИ АЛЮМИНЬ-КОМБИНАТОВ

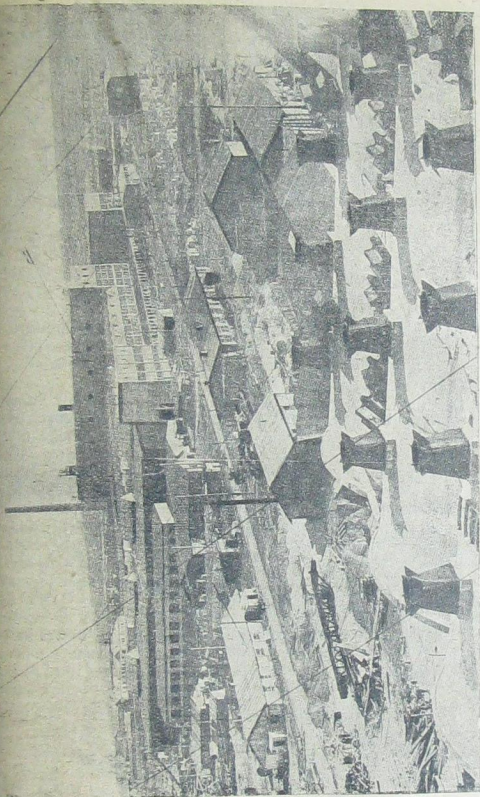
Можно без всякого преувеличения сказать, что благодаря алюминию необычайно расширилось применение металлов, как основы современной человеческой культуры и жизни. В мир металлов вступает новая „великая держава“.

Дебар.

Геологи подсчитали, что 7,3% твердой земной коры состоит из алюминия не в чистом, конечно, виде, а в соединении с другими элементами. Алюминий находится в редких встречающихся в природе „драгоценных“ камнях — рубинах и сапфире, в „благородных“ гранатах и ляпис-лазурях в величайших горных массивах, уходящих в заоблачные синеву и в их руинах, размытых тысячелетними водами ветрами и превращенных в силикаты и мягкую глину береговых степей и долин.

Человек „каменного века“, высекая немудреные предметы своего примитивного хозяйства из крупного камня, не знал, конечно, что в состав этого камня входит алюминий. Не знали этого египетские фараоны, воздвигнувшие себе, олицетворяющие их рабовладельческую тупость и жестокость, пирамиды. Не знали и вавилонские мудрецы, записывающие свои мысли на обожженных глиняных дощечках; не знали и другие представители давно вымерших народов и племен, далекое прошлое которых глядит в нас с полок и шкафов археологических и исторических музеев, в виде каменных и глиняных предметов человеческого обихода далеких времен.

Несмотря на неисчерпаемые потенциальные возможности алюминий очень недавно появился в семье таких распространенных промышленных металлов, как железо, медь, свинец и другие. Это произошло потому, что раскрытие тайны его получения потребовало высокого развития научно-исследовательской мысли и больших технических возможностей. В самом деле, если на заре своей культуры человек, засыпавши костер глыбой земли, обнаружил в его остывшем пепле твердый кусок железа или, копаясь в почве, нашел блестящие куски самородной меди, то для получения алюми-



Общий вид электродного завода.

ния человечеству нужно было подняться на ступень развития XIX века с его колоссальными открытиями в области химии и электричества. В начале этого века алюминий считался драгоценным металлом, в пятидесятых годах добычу его выражается робкой цифрой в несколько килограммов стоимости одного килограмма около двух тысяч рублей. И только к концу восьмидесятых годов он становится промышленным металлом. Благодаря высоким качествам алюминия, его легкости, слабой окисляемости, ковкости, прочности, хорошей электро- и теплопроводности развитие мировой алюминиевой промышленности носит характер бурного роста, что видно из нижеследующей таблицы:

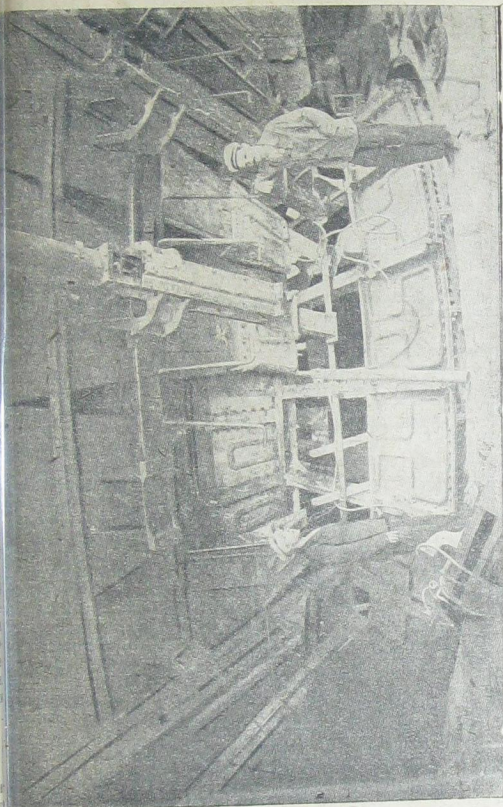
Годы	Количество алюм. в тон.	Цена за килогр.
1889	210	21 р.
1901	9,000	96 к.
1912	51,000	92 к.
1919	150,000	1 р. 28 к.
1930	260,000	95 к.

В то время как в Западной Европе и Америке развитие алюминиевой промышленности шло крупными шагами, дореволюционная Россия и в этом отношении, как во многих других отраслях народного хозяйства, представляла из себя только рынок сбыта для иностранной алюминиевой продукции. Не умея самостоятельно выбросить на продажу и килограмма алюминия, она находилась в полной зависимости от его импорта, а следовательно, от хищнических appetитов иностранных алюминиевых заводчиков.

И вот в 1920 году, когда пушки еще гремели на фронтах гражданской войны, был создан великий план электрификации, названный его гениальным инициатором В. И. Лениным „2-й программой коммунистической партии“. В числе многих оснований проведения в жизнь этого плана ГОЭЛРО значилась и организация алюминиевой промышленности для успешного развития которой, как и для роста всей индустрии, было необходимо подведение „высшей технической базы“, т. е. мощного запаса дешевой электроэнергии. Госплан совместно с „Цветметзолотом“, Геологическим комитетом и научно-исследовательскими институтами разрабатывают план организации алюминиевой промышленности. По этому плану приблизительная потребность в алюминии в СССР исчислялась:

На 1931 год	27,000 тонн
" 1932 "	59,000 "
" 1933 "	110,000 "

Для удовлетворения этой потребности нужно было принимать самые срочные меры. Второго августа 1925 года ЦО выносит постановление о создании двух алюминиевых



Печь „Миге“ мощностью 10.000 квт. Общий вид с шуровочной площадки.

комбинатов: на Волхове при уже созданной гидроэлектростанции и на Днепре, где нынешняя могучая красавица ДГЭС еще только наряжалась в свою розовую туфовую броню. С этих двух комбинатов предполагалось получать в год 21.000 тонн алюминия (15.000 тонн с ДАК'а и 6.000 т. с ВАК'а).

К этому времени исследовательская работа химиков-металлургов из лабораторных условий переносится на опытные заводы Ленинграда и под Москвой, а в помещениях Гипромеза и Алюминьстроя туманные наметки промзадач выливаются в рабочие чертежи определенных объектов конкретных заводских цехов. Огромное значение в деле успешного развития советской алюминиевой промышленности имеют исследования ГИПХ'а разработавшего способ получения окиси алюминия (глинозема) из тихвинских бокситов. Бокситы эти, являющиеся основной рудой алюминия, следовательно, важнейшей сырьевой базой для его получения, в виду наличия в них большого количества кремния не могли быть рентабельны при обработке их тем химическим способом, который применяется в алюминиевой промышленности Франции и США. Работа же на импортных бокситах помимо материальной невыгоды не разрешила проблемы всестороннего освобождения от импортной зависимости. Нужно было во что бы то ни стало добиться желательного эффекта при обработке своей руды. И это было сделано в ГИПХ'е под руководством профессора Яковлева и инженера Лилеева.

По их способу работает ВАК имени „Кирова“.

Систематические опытные работы над тихвинскими бокситами продолжались с неослабевающим упорством и в МОЗ'е (Московском опытном заводе). На нем в полувальном масштабе был проверен электротермический способ получения глинозема из отечественного сырья, предложенный профессорами Кузнецовым и Жуковским. Их способ получения окиси алюминия осуществляется на ДАК'е.

Интересно припомнить один из ярких моментов классической борьбы иностранного капитала, который в лице одной из своих фирм предложил в 1924 году взять заводскую невыгодную для себя концессию на разработку тихвинских бокситов. Это было сделано с целью законсервирования зарождающейся тогда советской алюминиевой промышленности.

Вступление ДАК'а в строй действующих заводов знаменует кардинальную перепланировку карты мировой алюминиевой промышленности в смысле перемещения одного из ее наиболее крупных центров в СССР на левый берег Днепра у Великого Запорожья. Такого полного комплекса производств, сосредоточенных в одном предприятии, как

создан здесь, еще не знает история алюминиевой промышленности.

В состав этого комбината-гиганта входят три отдельных завода: электродный, электролитный и глиноземный.

Глиноземный завод ДАК'а является своего рода уникалом, ибо не имеет себе аналогичных во всем мире ни по своему технологическому процессу (осуществ. по способу Жуковского и Кузнецова) ни по исключительно мощному усовершенствованному оборудованию. В его десяти цехах проходит процесс переработки боксита в окись алюминия. Этот процесс начинается с измельчения сырья на мощных дробильных установках склада боксита и трех материалов (железной стружки, кокса и барита).

Дробилки „Титан“, „Блек“, вальцовые и молотковые крушат своими механическими челюстями крупные куски кокса, боксита и барита. Машина „Магнетверк“ жует вермишель железной стружки. По ненасытным транспортерам и элеваторам эти материалы попадают в прожорливые бункерные ямы, откуда воздушной монорельсовой дорогой на двадцатиметровой высоте они доставляются в бункера агломерационного цеха. Здесь эти материалы дозируются тарелочными питателями, чтобы, пройдя смешение, поступить на конвейерную ленту агломерационных машин „Дуайт-Ллойда“. Эти две колоссальные машины—в 20 метров длины и в два ширины—представляют из себя образцы высочайших технических достижений. На них, как на гигантских жаровнях, спекаются измельченные и смешанные материалы, из которых в этом процессе удаляются вся влага и газы. Сползая с колосников этих машин двухметровыми раскаты докрасна пряниками и дробясь зубьями вальцовой дробилки, этот кусковый агломерат, ночью похожий на апельсиновый поток, катится дальше в предназначенный для него приемник. Сюда подбегают те же юркие монорельсовые тележки, „хапают“ своими двухчелюстными грейферами уже остывший агломерат и мчат его в „пекло“ электроплавильного цеха.

Этот цех является ведущим цехом, т. к. от его работы зависит успех работы всего завода—высокое качество окиси алюминия. Здесь-то и помещаются знаменитые „электро-домны“, три печи Миге, мощностью каждая по 10.000 квт.

Если весь электроемкий ДАК будет потреблять около $\frac{1}{3}$ всей энергии ДГЭС'а, то для удовлетворения аппетита этих трех прожорливых (французенок по происхождению) красавиц, каждая из которых должна выработать в сутки 100 тонн шлака, нужно около четверти всей энергии поглощаемой ДАК'ом. В их пламенных чрева, при температуре около 2000° по С, окиси кремния и железа восстанавливаются и соединяются в ферро-силиций, а окись алюминия,

сплавясь с окисью бария, дает шлак—алюминат бария. В этом соединении окись алюминия может быть растворена (выщелочена), что и происходит с нею, когда шлак алюмината бария, пройдя дробильно-размольный, цех втягивается в виде тонкого порошка в цех выщелачивания могучим легким пневматической установки.

Из него полученный раствор алюмината натрия перекачивается в цех карбонизации, а осажденный углекислый барий поступает в цех сушки и возвращается в процесс агломерации, как оборотный материал. В цехе карбонизации происходит осаждение гидрата окиси алюминия, после прокаливания которого во вращающихся печах—„Миге“ цеха кальцинации получается чистый глинозем—*исходное сырье* электролитного завода. Производительность глиноземного завода должна быть доведена до 40.000 тонн в год.

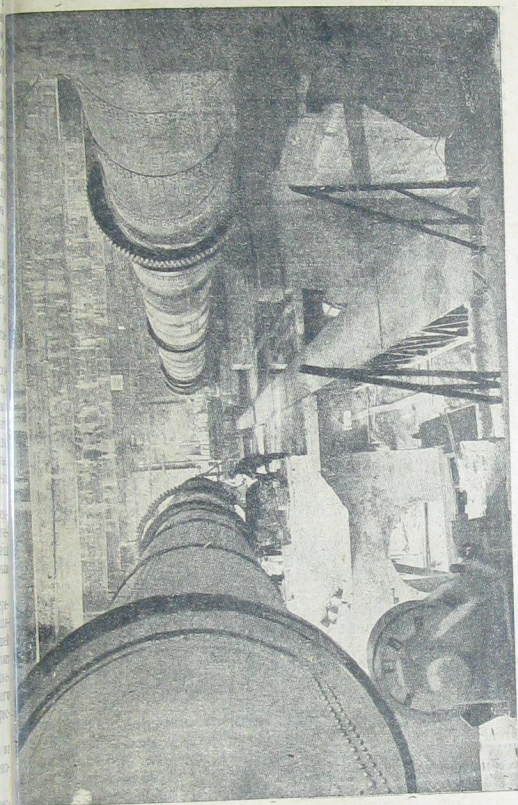
Вторым звеном ДАК'а и гордостью советской алюминиевой промышленности является электродный завод, в программе которого находится производство анодов для электролиза алюминия, электродов для электролитных ванн угольной массы. Годовая продукция этого завода составляет около 30.000 тонн. В состав его кроме складов вспомогательных установок входят цеха: прокалочный, дробильно-размольный и обжигательный. Достопримечательностью этого завода является: I-ое—анодные прессы фирмы „ЭМУКО“, развивающие давление в 1.600 тонн., II-е—гигантский поршневой пресс „Гидравлик“, прессующий электроды для печей Миге электролитных ванн, и III-е—обжигательные печи конструкции фирмы „Ритгаммер“ для обжига сырья „зеленных“ электродов.

Третьим завершающим звеном комбината является электролитный завод, из цехов которого выдается металлический алюминий. Прототипом этому заводу послужил завод „Сабар“, являющийся самым совершенным электролитным заводом во Франции.

Под высокими бетонными сводами сельсовских перекрытий в корпусах в 160 метр. длины и 35-метровых ширины вытянулись рядами электролитные ванны новейшей конструкции. Таких корпусов 6, и в каждом из них стоит по 80-ти ванн. В дальнейшем число корпусов будет доведено до 9-ти. В этих ваннах под действием постоянного электрического тока происходит разложение окиси алюминия, расплавленной в расплавленном криолите.

В процессе электролиза окись алюминия распадается на алюминий, оседающий на дно ванны, и кислород, выделяющийся на угольных анодах.

Если в начале работы электролитного завода в электролизе употреблялись импортный глинозем и криолит, то в настоящее время завод работает уже на советском (По-



Цех кальцинации, Вращающиеся печи „Миг“ для кальцинации глинозёма.

левском) криолите и пока частично (до получения Днепрского глинозема) на советском (Волховском) глиноземе. Расплавленный в ваннах состав опускаются глиняные, подобие цветочных, горшки. Через сделанное в их дне отверстие в них втекает серебристый металл алюминий, который вычерпывается ковшами в изложницы и направляется на переплавку в электрические печи Гаутчи-Брандт. Таких печей всего на заводе будет установлено семь. Эти печи — последний этап на пути технологического процесса получения чистого металлического алюминия. Отсюда распределяется по заводам Союза в виде разнообразных „чушек“, „болванок“ и „вайербарсов“. Количественно эта продукция электролитного завода будет доведена до 40.000 тонн в год.

Надо сказать, что, несмотря на широкое применение, которое чистый алюминий нашел себе в самых разнообразных отраслях промышленности, он не получил бы такого распространения, если бы не были открыты его свойства образовывать сплавы, не уступающие качеством высокосортным сталям. Ценнейшим свойством этих сплавов является то, что, отличаясь высокими механическими качествами, они сохраняют почти в полной мере легкость чистого алюминия. Представителем и именно такого сорта сплавов является группа сплавов „дюр-алюминий“, употребляемая в авиационно-дирижаблестроении.

В настоящее время насчитывается свыше 200 сплавов алюминия. И в этом виде зона его распространения в промышленности имеет все более и более расширяющиеся горизонты. Трудно уже теперь найти такую отрасль народного хозяйства, где бы алюминий или его сплав не употреблялись.

Шумит ли над нами пропеллер самолета или дирижабля, слышатся ли гудки автомобиля, автобуса, троллейбуса, скользит ли по водной глади юркий катер и гидроплан или идет эскадра военных кораблей или океанских пароходов, теснятся ли вдали провода высоковольтных передач — во всем этом алюминий нашел свое широкое применение.

Есть алюминий — есть металлические конструкции самолетов и дирижаблей, есть обшивка кораблей, корпуса катеров, шасси автомобилей, поршни двигателей, кабели электропередач...

Есть алюминий — есть аппаратура для химической промышленности, есть из чего изготовлять множество предметов для нужд рентгено и радио-техники, полиграфической промышленности, пиро-техники, гальвано-техники...

Есть алюминий — есть многочисленная разнообразнейшая продукция широкого потребления в культурно-бытовой жизни. Есть санитарные медицинские, ортопедические, по-

жарные, водолазные приборы. Есть стиральные машины, кухонная утварь, изящные украшения.

Не говоря уже о том времени, когда будут реализованы планы развития алюминиевой промышленности на Урале, в Сибири, на Кавказе и др. районах, уже теперь, когда вслед за ВАК'ом в эксплуатационный период вступил ДАК, и только продукция его одного превосходит алюминиевую продукцию всей Франции, этой колыбели алюминиевой промышленности, мы вправе заявить: алюминий есть, и его „великая держава“ вошла в жизнь советской металлургии.

СДЕЛАННАЯ ВЕСНА

ОТРЫВОК ИЗ ПРОБНОЙ ГЛАВЫ „ИСТОРИЯ ХТЗ“ — ЗИМНЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

(Из дневника)

„...Довольно пустых и шумных разговоров о подготовке к зиме. Зима пришла. Отражайте ее первыми атаками на литейном“.

„Весь командный состав строительства в плену осенних настроений“.

Это нужно записать. Это — заголовки из последних номеров „Темпа“ — нашей боевой газеты. С разговорами действительно, нужно кончать. Нужно прекратить эти настроения. Говорим много, — а люди разбегаются.

„Отдельные группы сезонников, не привыкших к непрерывному строительству, поднимают вопрос об отходе. Это равноценно дезертирству с фронта социалистического строительства. Нарушают контрактационные договоры и отдельные рабочие из лучших групп плотников (барчуковцы, кривченковцы и др.“

Бригадиры, на нас лежит ответственность за сохранение бригад в их прежнем составе. Вы обязаны помочь профсоюзным организациям в их массовой работе среди сезонников“.

Ни одного дезертира.

Ни одного беглеца с строительства „Тракторного“.

Явно сезонные настроения. Весенние настроения. График работ не выполняется. Партийцы и комсомольцы работают как герои. Однако, „работу, массово-политическую работу нужно развернуть еще шире, еще глубже. Добиться до самого сердца. Добиться перелома и остановить отступление. Повести на штурм. Держать и дальше больше шевяцкие темпы. На не только отступление нужно остановить. Нужно еще больше, еще решительнее бить врага а его здесь — достаточно.“

Тут, особенно среди сезонников, он свивает свое гнездо хотя бы и временное. Знаем же мы, что и раскулаченных и разных темных элементов много есть среди наших тамбовцев, орловцев, знаменитых армавирцев, тавричан, херсонцев, среди которых много староверов, стригущих еще сейчас волосы не иначе, как „под горшок“.

Ведь вчера еще Бибиков рассказывал о знаменитом Ташкенте,—кто-то пустил слух, будто бы на строительство приехал вербовщик и набирает сезонников на какое-то строительство в Ташкенте; надо было видеть, какая масса людей бросилась искать этого вербовщика. А тут тебе рассказывают, что в Ташкенте—тепло, что там и зимы никогда не бывает, что там и платят больше.

— Вербовщик в 28 бараке,—так было „сообщено“ массе. В одно мгновение возле 28 барака собралась целая толпа.

Сбились туда. Уже и очередь выстроилась записываться.

— Где вербовщик?

— Давай сюда вербовщика.

— Пусть выйдет сюда раз'яснить народу.

— Нет здесь вербовщика. Был, а теперь в 30 бараке записывает,—крикнул кто-то людям.

Бросились к 30 бараку.

... Много сил стоило доказать людям, что никакого вербовщика нет, а о Ташкенте пустил провокацию классовый враг, чтобы сорвать строительство Харьковского Тракторного завода.

Или о Сахалине вспомнить!

Только что добились успехов в развертывании соцсоревнования и ударничества, только что появились первые герои строительства и первые результаты в поднятии дисциплины, продуктивности труда,—как вдруг:

— Лучших ударников будут на Сахалин отправлять, на строительство нового завода...

Тонко орудует враг... Тонко и хитро. И только в упорной борьбе с классовым врагом, только в каждодневных обедах над ним добиваемся мы осуществления наших величайших заданий в строительстве, развиваем дальнейшую работу, закрепляем достижения, поднимаем на высшую ступень—соцсоревнование, ударничество, даем мировые рекорды.

Справимся! Победим!

А тут зима. Она всегда приходит как-то несвоевременно. Вот и теперь. Усилили темпы. Взяли хороший разгон. Ударили морозы—растерялись ребята. Люди разбегаются. Конкретная же подготовка к зиме—выпала из поля зрения. Однако сделано уже не мало.

Весенние настроения бьем весной же. Правда, искусственной, сделанной весной. Главное—работы по бетонированию. Бетон мерзнет и не скрепляется. Объявили сбор рационализаторских предложений—1.000 рабочих предложений под лозунгом:

— „Наш ответ вредителям и интервентам“.

Конкурс, объявленный на лучшее предложение о прове-

дении работ в зимних условиях многому помог. Много поступило предложений и многие из них осуществляют. Они помогают создать на строительстве ту, хотя и искусственную, весну, которая не даст зиме продолжать свои бешеные атаки на наши боевые участки.

Вот самые интересные из предложений: Жигмановский (механик) предложил тепляк для электроцентрали — деревянный с обшивкой с обеих сторон. Для отопления предлагает пускать пар из локомотивов, а чтобы избежать испарений в тепляке — установить ручные вентиляторы для выкачивания влаги. Это предложение пришлось отклонить, так как выкачивание влаги из тепляка повлечет за собою высушивание бетона и этим ухудшит его качество.

Тов. Шептухин (десятник) предлагает передвижной тепляк. Тепляк представляет собой две стены, поставленные на узкоколейные,двигающиеся по рельсам, вагонетки. Это очень интересное предложение, как попытка разрешить проблему работы в зимних условиях, хотя и не отвечающее требованиям конкурса.

Тов. Щеголев (каменщик 5 участка) предложил проект скользящего тепляка, для жилищного строительства, при помощи талей и блоков. Отдельные щиты для стен, применительно к высоте этажей, в случае необходимости передвигаются на дальнейшие этажи.

Инженер Барсуков (главный инженер 2-го района Индустростроя) дал предложение о бетонировании при помощи местных тепляков (паровых бань). Отдельные конструкции (колонны, балки) — оборачивают соломенными матами и щели между матами и опалубкой пускают пар. Второе предложение — в балках и колоннах оставлять жолобки, в которые пускать пар.

Предложение принято к испытаниям на экспериментальных работах.

Инженер Малеев (заместитель главного инженера Промстроительства) предложил на строительстве теплоэлектроцентрали поставить специальный тепляк и использовать существующий туннель для транспортирования материалов. Это предложение приняли и выдали первую премию. Будем бетонировать так.

ТЭЦ будет построена! Зима не останавливает строительство. На тепляке работа идет полным ходом. Тепляк почти окончен. Ребята работают упорно. Но и здесь случайно услышал:

— Работаем... А будет ли толк с этой работы?..

— Бетон — он такой... Он температуру теплую любит...

— А сейчас бетонировать нельзя. Смерзнется, а весной тью-тью...

- Прощайте, как знаете...
- Распадется...
- Это уж непременно распадется...
- Уж они построят...

Если бы не эти разговоры... Да и без этого... Необходимо ребятам сказать, чтобы имели в виду. Настроения? Или снова „работа“ врага? Пусть настроения. Пусть враг. Все равно нужно разбить — и настроения, и врага.

Сделали много. Но все же растерянность на отдельных участках (литейный, ТЭЦ) еще не изжита. Необходим перелом. Необходима широкая и углубленная работа среди рабочих. Период тяжелый. Морозов не остановишь. Зимы не пустишь в отпуск. Не прекратим работ. Мобилизовать все и всех“.

Мороз. Ветер. Лютая зима. Вчера гололедица. Сегодня срываются сухие, колкие и в'едливые снежинки. Вьюга.

Ветер как сумасшедший. Дует низом, сдувает снег, крутит его, бросает в лицо. Путается в лесах, конструкциях. Содрогаются бараки, дрожат конструкции, скрипят леса. Дым из железных труб стелется по земле, смешивается со снегом и крутится с ним, пока не рассеется в воздухе.

Вечер.

Пошатываются от ветра фонари. Кружатся, вытанцовывают снежные вихри в лучах прожекторов. Ветер свистит, заливает, безумствует, как будто задумал сдуть не только снег, покрывший землю, но и бараки, леса и конструкции...

Барак парткомитета Тракторостроя выглядит в ночь свещенными окнами. Ветер стучит в дверь, свистит и гудит в трубе.

Печь топится. Но в бараке холодно. В бараке — Потапенко — секретарь парткомитета. Он ждет товарищей, которые вот-вот должны прибыть с участков. Он устал, ему холодно, но держится бодро.

Дверь открывается. В помещение вместе с двумя людьми, врываются облако пара и холод. Помещение наполняется веселыми, бодрими голосами.

— Здоров, Боря, Яша, — приветствует Потапенко.

Это агитмасс — Борис Бибилов и редактор „Темпа“ — Яков Городской. Бибилов, пожав руку секретарю, шутит:

— „Экие морозцы, прости господи, стоят“. Как там дальше, Яша? Ты ж у нас, знаешь, по литературной части, а ты же у нас спец...

— Морозцы подходящие, — а вчера гололедь. Скользко, — отвечает Яша. — Лучше их не было бы. Ну и холодно, Потапенко. Ну и холодно же и скользко. А ты, я вижу, не поспokoился чаю согреть. Чайник на полу стоит, хоть ечка и топится...



Поселок ХТЗ.

— И то правда — чаю бы не плохо выпить, ребята... — говорит Бибиков.

— Так беги по воду, — соглашается Потапенко. — Нас греет, и я выпью с охотой.

— С охотой? — смеется Бибиков. — Ну что же, ты пьешь с охотой, а мы с Яшей — с сахаром будем пить.

— Ну, Яша, как дела? Как газета?

— Газета у нас завтра не газета, брат, а целая бомба выйдет. Заводу бьем, за снабжение бьем, за транспорт бьем.

Дверь открывается и в помещение влезает Мельников. Влезит, ибо сам он большой, а козух делает его еще большим.

— А, „железный“, — приветствует его Потапенко. — Ну как, „железный“, дела?

Мельникова на строительстве называют „железным прорабом“. Железные нервы у человека, железная воля, железная сила. А лицо ласковое, приветливое, и совсем нет ничего железного в нем, — скорее лирическое лицо; из-под капелек вырывается седина волос.

— Конструкции шатают... — отвечает на приветствие Мельников. Этот ветер...

И он садится к столу.

— А Черенова не видел? — спрашивает секретарь, обратившись к Мельникову.

— Нет, наверное, у себя — в штабе [своем] [командуе]



Ты ж его знаешь... И днюет и ночует...—Бибиков вносит в помещение чайник, ставит на плиту, подбрасывает в печь топлива и начинает раздеваться.

— Можешь не раздеваться. Замерзнешь,— говорит ему редактор газеты, который было разделся, но теперь сидит, накинувши на плечи кожух, и перелистывает свою записную книжку.

Вскоре заходят еще трое. Приветствия. Несколько фраз по адресу мороза и снова спрашивает Потапенко, не видели ли Черенова, но получает отрицательный ответ. Начинается товарищеская, теплая и в то же время деловая беседа.

Ветер донес со станции протяжный и пискливый голос паровоза; свистнул ветер в трубе; на печке зашумел чайник.

— Ну, Мельников, рассказывай, как там у тебя дела? — говорит Потапенко, придвигает к себе бумагу и берет карандаш в руки.

„Железный прораб“ поворачивается к товарищам, смотрит с минуту в окно, как будто припоминая что-то перед тем, как начать о своих делах. Потапенко вдруг перебивает Мельникова:

— Подожди, друг. Нам, вероятно, пора уже на пленум комсомола. Ну да,— говорит он, взглянув на часы. — Нужно идти.

Потапенко берет лист бумаги и выводит на пленум стройкома комсомола: „Черенов. Мы пошли на пленум стройкома комсомола. Если есть дело — приходи. Р. Потапенко“.

Друзья шумно собираются. На печке шумит закипающий чайник. Мельников натягивает свой кожаный и завязывает на подбородке неизменную меховую капелюху. Бибиков, толкнув в бок Яшу Городского и мигая глазом на печку, говорит:

— Напились чаю... Погрелись...

— Да еще и с сахаром... — добавляет Яша, и все выходят на ветер, на мороз, под колкие, сухие и в'едливые снежинки.

Гудит барак звонкими молодыми голосами. Здесь собрался комсомол строительства. И сегодня, как и всегда, на комсомольских пленумах, барах полон.

Здесь сегодня обсуждаются вопросы наступления на зиму. Вопросы штурма строительной площадки. Здесь сегодня обсуждается план широкого социалистического наступления. План за повышение темпов. План штурма бетонных работ на ТЭЦ, которая уже оделась в тепляк.

Здесь комсомольцы — плотники, бетонщики, слесари, инженеры, арматурщики, культработники — обыкновенные бойцы и командиры.

Где-то в углу возникает песня. Она, несмело возникнув, крепнет, набирает силы, увлекает все больше и больше людей.

Переливаются звонкие голоса. Ноги выстукивают так, когда мощно вырывается и бьется о стены припев.

Но вдруг в песню врываются гул и шопот:

— Партийцы пришли.

— Потапенко. Вон-вон смотрите, Потапенко пришел.

— Мельников...

— Весь партком пожаловал.

Партийцы, пришедшие на пленум стройкома комсомола, собрались вокруг стола президиума и, казалось, никак не могли закончить разговора, принесенного с собой со двора. Потапенко о чем-то спорил с Бибиковым, Городской — Мельниковым.

Но вот Потапенко оставил Бибикова и направился к секретарю комсомола. — Почему не начали до сих пор? Почему тянут? Не обязательно же ждать прихода их, партийцев, чтобы начать пленум. Партийное руководство комсомоле и без того обеспечено. Да и не может быть такого положения, чтобы на пленум он, Потапенко, не пришел. Пора начинать.

В зале устанавливается тишина.

Но в это время там, возле дверей, вдруг беспокойно задвигались. Появился Черенов. На дворе мороз, но он бледный. Зашел и остановился, тяжело дыша. Внимание всех привлек взволнованный вид товарища.

Потапенко, издали заметив Черенова и некоторое замешательство у дверей — бросился туда.

— Что случилось? В чем дело?

Тесным кругом окружили Черенова — Потапенко, Биби-ков, Городской, Шувалов, Мельников и другие. В нетер-пении застыли на месте.

— Что случилось, Черенов? Не тяни...

Черенов переводил дыхание.

— Тепло... электро... централь...

— Ну, — кинулись все.

— Горит... Сказали... — Выдавил из себя Черенов.

Известие оглушило одинаково всех. Кто рвался бежать, кто просто смотрел на Черенова ничего непонимающими глазами. Но Потапенко уже действовал. Теперь он был в центре круга. Его окружили товарищи.

— Вот что... — сказал Потапенко. — Паники делать не нужно. Ты, Бибилов, — он взял его за пуговку, — беги и как следует узнай, в чем там дело. Тогда прибежишь сюда и расскажешь мне. Вы, ребята, — обратился он к другим, — все будьте здесь. Ну, Бибилов, катая и быстрее.

Бибилов исчез за дверью. Его поглотила ночь, вьюга, тревога.

Потапенко продолжал дальше ребятам:

— Я, пока что, займу собрание. Буду говорить сколько нужно, — а там придет Бибилов, видно будет, что делать.

Потапенко в ясной и зажигающей речи рассказывал комсомольцам о плане зимнего наступления. Он рубил ла-донью воздух, в котором плавал только его голос, так внима-тельно и тихо слушало собрание. Слушали о завтрашних боях, новом наступлении, о продолжении упорной и победоносной борьбы большевиков.

Долго слушало собрание.

Но вдруг Потапенко прервал выступление. В барак-е появился снова Бибилов и быстро приближался к прези-уму, к оратору.

— Ну, что там? — спросил Потапенко и вытер пот, густо сеявший его лоб, несмотря на то, что в барак-е было холодно.

— Обвал... — сообщил Борис. — Я распорядился дать ревогу. Нужно помочь. Завалился тепляк. Завалил людей.

И в ту же минуту над строительством разлегся тревож-ный гудок.

— Товарищи, — обратился Потапенко к собранию. — Сей-час обвалился тепляк электроцентрали. Возможно, есть еловеческие жертвы. Все мы сейчас в строгом порядке ойдем туда. Там нужна наша помощь. Спокойно, без паники — все туда. О пожаре — никому не верьте, никакого ожара нет. — А самого мучила мысль: „а что, если не бвал, а действительно пожар? Соседние цеха... Литейный... что, если, вдруг, пожар“?

— А литейный? — крикнул Мельников Бибилову. Он еще

не разобрался как следует в том, что случилось, и в м
слях у него так же роились: пожар... цеха...

— Не знаю...

— А механосборочный?

— Н-не знаю...

Потапенко уже командовал группой парткомитетчи

— Все туда. На место. Немедленно, — как команда зв
чали его слова.

И в ветер, в холод, в ночь — бросились большевики

По снежным сугробам. По колени в снегу. Навстреч
ветру. Бежат.

Вот кузня. Выбежали к ней. Огня не видно. Но дальш
Дальше. К ТЭЦ. Что с нею?..

А тут тревожный гудок. Он звучал в воздухе упорн
лез в уши и делал незаметною темень, неслышным мороз
незаметным ветер.

Из барakov выскакивают люди. Бежат сотни людей. Гу
стоит. Сотни сливаются в тысячи и гул растет.

— Куда?

— К ТЭЦ!

— Бежим к ТЭЦ!

— Обвал... Завалилась ТЭЦ.

Комитетчики бежат молча.

Потапенко поддерживает левый бок рукою.

Вот летит впереди Боря Бибилов, запыхавшись и расте

нув кожанку. Вот, приседая, пытается не отстать от не

Яша Городской. Вот, стиснув зубы, обгоняет Потапен

Мельников... Заним летят комсомольцы, которые еще недавн

были на пленуме, которые еще так недавно пели песн

— Механосборочный.

Литейный.

ТЭЦ.

Но разве это ТЭЦ? Разве это Теплоэлектростанция?

Еще вчера она представляла собою гигантскую постройк

Сейчас это — груда балок. Груда досок.

Бесформенная груда стройматериала.

Руина. Обвал. Пожара нет... Соседние леса целы, — здес

груда дерева и лед.

Слышен стон раненых.

Тысячи людей собираются на место катастрофы. А гуд

разносит тревогу.

Большевики на своих местах. Комсомольцы в напряж

нии ждут первой команды, чтобы кинуться на эту бе

форменную груду, которая раньше была тепляком ТЭЦ.

Нужно освободить раненых.

— Там работало 60 человек, — говорит Потапенко.

Сбежалось на место катастрофы тысяч 5—6 рабочи

Нужно спасать. Нужно делать что-то. Всем это ясно. Н

как объяснить, как поставить задачу массе, которая сбежалась, массе, которая растерялась.

И начали. Парткомитет создал из себя живой конвейер. За парткомитетом — комсомол. В конвейер включились и прочие.

С рук — на руки балка.

С рук — на руки доска.

С рук — на руки щит.

В одном направлении.

Горячая работа. Она зажигает. Организует. И вот, за несколько минут, в нескольких направлениях — работает несколько живых, людских конвейеров.

Работают четко. Молча. Упорно и сосредоточенно. Это ничего, что руки разрывают гвозди, что пальцы мерзнут.

С рук — на руки балка.

С рук — на руки доска.

Освобождены раненные.

Освобождена основа ТЭЦ.

3—4 часа работы, и место расчищено. Материал, который был бесформенной грудой — лежит в стороне, в порядке.

Работа окончена.

Четыре рабочих погибли под обломками. Люди постепенно начинают расходиться по баракам.

Кучкою собрался парткомитет. Потапенко командует:

— Сейчас все по баракам. Работать, работать и работать. Беседы. Разговоры. Классовый враг может эту катастрофу использовать. Вам объяснять не нужно. Катастрофа не должна сорвать нам дальнейшую работу. Мобилизовать массы. Всем на свои места. Разбить всякие попытки враждебной агитации. И если завтра будут чужие настроения, — отвечает каждый из нас. Собраться в семь часов утра в парткомитете. Ну, по местам!

Приказ отдан.

Приказ принят.

Целую ночь по баракам шла большая политическая агитационно-массовая работа.

А утром на место катастрофы пришли новые плотники и забили новые сваи будущей Теплоэлектроцентрали и ее тепляка.

(Из дневника)

... Погибло 4 человека. Организовали торжественные похороны. Пролетарии Харькова пришли отдать вместе с нами последний долг погибшим. Было много цветов. Рабочие строительства ответили на катастрофу обязательством добиться решающих побед в зимнем строительстве.

Сделанная весна продолжается. Нужно не допу-

стить прорыва. Классовый враг пытался заработать на этой катастрофе. Пустили слух о том, что убито 400 человек. Начались разговоры, что строить в тепляках нельзя, так как все они завалятся.

Но новые сваи вбиты. Ночной конвейер сделал большое дело. Теплоэлектроцентраль будет построена и будет сдана в эксплуатацию в плановый срок.

Сделанная весна продолжается дальше, пока не придет на смену ей настоящая, естественная весна..."

ПЕРВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ „ДЕФИЦИТ“
ИСТОРИИ ХТЗ

Против кирпичной полосы механосборочного цеха высокой ровной стеною краснеет фасад литейного.

Отсюда со двора кажется, что в нем тихо.

Но, когда открывается окованная железом двойная дверь — из нее вырывается вместе с горячим дыханием цеха целый шквал звуков и грохотов.

Цех работает упрямо, напряженно.

С боковых ворот рабочие вытаскивают деталь с рыжими пятнами на сторонах.

Это знак контроля: брак.

Внушительные продолговатые рамы, компактные маховики, узорчатые головки цилиндров падают с жалобным металлическим звоном одна на одну, без всякого порядка системы. Все равно они уж никому не нужны.

Бракованными деталями была завалена вся правая сторона цеха, и этот чугунный хребет протянулся уже за угол, проходной двери, охватывая цех заостренной подковой.

— Так и кажется, что сомкнется круг и задушит литейный, — подумал Борщ, ловко перепрыгивая через баки и маховики.

Это был сухощавый юноша, весь подобранный. Легкий. Муглый. Таким, как он, как-то особенно к лицу значок ГТО.

Он посмотрел вокруг и, заметив невысокого светловосого парня, запутавшегося в железных обломках, весело прикинул:

— Здорово, Горбачев!

Тот быстро обернулся. От резкого движения детали под ногами разъехались, звонко стуча одна об одну.

Горбачев забалансировал руками, зашатался, но устоял.

— Ого, чуть было не упал. Понабросали. К цеху не оберешься.

Борщ пошел навстречу ему.

— Да, брака до черта!.. Еще и наш тут, смотри, лежит.

Он перевернул ногою деталь. Деталь легла измазанной красной краскою пузом кверху.

— Факт, — 507 — наша. — И потрогав, добавил — не долил.

И посмотрел на Горбачева.

— Я, Борщ, брака меньше других делаю.— сурово сказал Горбачев,— так что ты на меня не поглядывай.

— А я разве говорю, что ты. Если бы все, как ты, было бы не плохо. Ну, слезай уж.— И он по-приятельски подтолкнул товарища. Борщ любит Горбачева.

Он встретился с ним еще на строительстве завода, на водострое, когда цехов не было видно под паутиной досок, завалами земли и глины, когда комсомольские батальоны приступом брали каждый вершок трудной, промерзлой и упорной земли.

Горбачев пришел из села незаметный, тихий, как будто залуганный. Но строительство втянуло его в темпы работы с каждым днем меняя привычки молчаливого парня и взгляды на вещи. Тут же на строительстве Борщ, который работал с ним в одной бригаде, втянул Горбачева в комсомол.

Теперь они оба в цеху, на плавке. Горбачев—заливальныйщик, Борщ—пирометрист. Горбачев работает хорошо, дуем Борщ. Вообще очень хорошо, если дружно идет работа, если везде свои хорошо знакомые ребята. И сразу же промелькнуло: а программа не выполняется. Почему? Нужно как-нибудь собраться... Поговорить снова... Нет, нет так. Необходимо то, о чем мы с Луниным говорили. Необходимо комсомольская смена. Обязательно. Сегодня же.

Горбачев заглядывает в дверь. Стрелка на электрических часах, как бы проснувшись, прыгает сразу на 5 минут вперед.

— Скоро два,—сообщает Горбачев.

— Через полчаса гудок. Пошли в цех.

Литейный встречает сперва грохотом обрубочной, потом ритмичным цоканьем формовочных станков, которые изредка перебивает торопливое, нервное дребезжание отбивки.

Громоздкий автокар, нагруженный красно-горячими слитками, раз'единяет ребят.

К вагранкам Борщ идет один.

До гудка еще 20 минут. Борщ разворачивает сегодняшней "Темп".

— Должно быть снова на первой странице об отставании литейного—подумал он. Но о литейном сегодня не ни слова.

На развороте жирная шапка о комсомольцах кузни, которые по настоящему проводят сталинский поход за технику.

О литейном было в "Темпе" вчера, позавчера. Целую неделю. И все одно и то же. На группе "а", где сосредоточен дефицит, улучшений нет.

На формовке теперь лучше. Борщ это знает. Там Рев...



Первая партия тракторов ХТЗ на конвейере.

разворачивает работу сигнальных постов. А на плавке нет улучшения.

Но нужно, чтобы было!

— Газету все читаешь? Работать нужно — а не газеты! Это тебе не бюро.

Поднял голову. Ясно: Чепига.

Чепига — инструктор плавки. Раз в декаду он бывает трезв. И теперь его бледное, невыразительное лицо, все испещренное преждевременными морщинами и нездоровыми пятнами, криво улыбается; „Наббюро—газеты“.

Слово „бюро“ он выговаривает неизвестно почему с насмешливым подчеркиванием.

Подходит высокий широкоплечий юноша в толстой брезентовой спецовке, с квадратными очками на лбу, он похож на водолаза.

Увидев Чепигу, он нарочно громко втягивает носом воздух:

— Денатуратом несет, инструктор. Почему бы это?

— А, товарищ Лунин! — кланяется Чепига, — ну, я ведь говорил — бюро. Так оно и есть: как раз все тут.

— Бюро, говоришь? Будет, брат, тебе и бюро.

— Бюро, говоришь? — переспрашивает Лунин. И его доброе, широкое лицо покрывают гневные морщины.

— Кстати, Лунин. Вечером созываем бюро, — говорит Борщ. — Правильно?

— Есть, товарищ группорг! — весело отвечает Лунин.

Гудок.

★★★

Молодой завод шел из месяца в месяц, изо дня в день от победы к победе.

— Бурный, непрерывный, горячий темп республики виднелся в каждой черточке ее гиганта, на каждом его шагу.

Но каждый шаг требовал самой настойчивой борьбы с сотнями, тысячами больших и мелких препятствий, которые становились на пути роста завода. Особенно эти препятствия тормозили работу литейного.

Этот чрезвычайно сложный цех таил в себе противоречия.

Новое оборудование, непрерывная конвейеризированная система работы, требующая четкости, оперативности сталкивалась с застарелой традицией многих старых производственников. На то, мол, он и литейный, чтобы „на глазок“, на то в нем и земля, чтобы грязно было.

Но это не главное.

Главное — это почти 80% молодежи, сельской молодежи,

которая раньше не видела ни старого, ни нового—вообще никакого цеха.

Она за чрезвычайно короткий срок приучалась к работе, упрямо, героически овладевая сложной производственной наукой.

Но ей еще не хватало понимания всей ответственности отдельного рабочего в новой конвейеризированной литейной, не хватало понимания важности, внимательности к мелочам.

Ей нужна была не только техническая школа. Она требовала широкого массового воспитания.

И такой воспитательной школой был для нее комсомол.

Комсомол литейного. Комсомол всего ХТЗ—передовые парни и девушки, в большинстве сами впервые прошедшие производственную школу на строительстве завода. Вчерашние бетонщики, арматурщики, землекопы—это они стали за сложные „Глисоны“ в моторном, возле пневматических молотов кузни, за формовочные станки и возле вагранок литейного.

Комсомол учащийся и учащий.

9 конвейеров литейного ритмично движутся целый день.

Сотни опок, туго набитых землею, подставили черные рты леток-отверстий.

6 мощных вагранок должны две смены подряд поить опоки жидким металом, растекающимся по вычурному нуру формы, застывающим в ней деталью трактора.

И тогда—опущенная краном на гремящие решетки отбивки—опока бешено прыгает, земля осыпается, и освобожденная, еще горячая, красноватая деталь идет в обрубную. А потом—механический, на станок.

Нет, не каждая деталь идет на станок механического.

На большом листе—дневнике отдела технического контроля—мелкими буквами над частыми линиями граф значится причина брака.

Лунин хорошо знает этот лист, хоть он и не контролер.

Комсомольцы часто заглядывают туда. И он, и Борщ, и Рева—комсомольский бригадир на формовке. Правда, большинство брака в последнее время случается по вине формовки, стержневого. Но и плавка дает не малый процент. Ведь ежедневно Лунин сам видит, как некоторые ребята из его отдела невнимательно относятся к работе. Ведь еще часто мимо вагранки проползают холодные пустые опоки, пропущенные каким-либо зазевавшимся заливщиком.

Лунин не понимает, как это не долить опоку и спокойно стоять? Как это прозевать—и спокойно смотреть ей вслед? Можно чего-то не знать, не понять, но... прозевать?

На группе „а“—дефицит,

На группе „а“ — детали, от которых зависит работа большого конвейера.

Мало! На группе „а“ — детали, которых ждет большевистский сев. Сев. успех которого, как боевое знамя, должна поднять над собой республика. Лучшие коммунисты и комсомольцы завода выехали в подшефный Старо-Салтовский район, откуда и он — Лунин.

Он знает по письмам из дому, какая горячая там теперь работа.

И он хорошо работает. Но этого мало! Нужно, чтобы весь отдел, цех, завод — хорошо работали. Это — главное. Верно говорили в комитете: комсомол был первым на бетоне, он должен быть первым и в цеху.

... Конец смены.

Над головой гаснут лампы.

Остановилась формовка.

За покрытым пушистым слоем пыли стеклом стены — свистки железнодорожников и вечерняя переключка маневров.

— Ты куда, Горбачев?

— Домой. А что разве?

— Сегодня бюро.

— Не легко будет, Ильюша, — говорит Лунин, — молодых у нас очень много... Сельские... Непривычные... И потом подумав: — А впрочем, мы с тобой разве старые? — двенадцатого ведь года? А?

— Ну, я, положим, восьмого — ответил Борщ, — но дело не в этом.

— Дело в том, Ильюша, что и мы с тобой молоды, и стажа у нас в литейном двухлетнего нет. Как говорят — слеза под носом. А приучились же? Работаем?

— Факт — Лунин, работаем! Вот смену организуем и докажем таки, что комсомольцы плавить умеют...

— То чариши, — сказал Борщ, — я говорить долго не буду. Вы знаете... Все мы знаем, что делается в цеху, что делается на плавке...

— Ерунда делается, — бросил кто-то с места.

— Не ерудна, а детали, — поправили его.

— Верно, — продолжал Борщ, — детали. А что сделал комсомол? Мы с вами что сделали для того, чтобы эти детали были доброкачественны? Я знаю, многие из нас думают, что главная причина брака не мы — почему же нам больше всех беспокоиться. Это не так. Не верно. Мы ведь можем, мы должны бороться у себя с тем браком, который сами мы делаем!

Дальше Борщ говорил о том, что в такой ответственный момент, как теперь в цеху, комсомол должен показать свое лицо, лицо передовика, инициатора, лучшего производственника. Для того, чтобы лучше сосредоточить силы, нужно добиться четкой ответственности каждого комсомольца.

— Такую возможность, — кончает он, — даст нам организация комсомольской смены, которая своим примером будет вести к улучшению и другие, отсталые участки. Борщ говорил и всматривался во внимательные лица ребят. Он думал: Лунин — молодой еще комсомолец с 1931 года, но он один из лучших, он будет в авангарде. Божко — хороший, внимательный парень. Быстро ориентирует я. Божко — не подкачает. Горбачев? Хороший он комсомолец, но... тихий, нерешительный какой-то... Поймет ли он всю ответственность?

— Ребята — берет слово Лунин. — Мы таки создадим на плавке комсомольскую смену. Но чтобы вы знали — это не так себе, переименовать: была простая, а теперь комсомольская. Это — каждый комсомолец и за себя, и за соседа, и за всю работу отвечай... Нельзя же так, как было. Помните, когда пьяный мастер Болгантер на тяжелом конвейере так забил „под“, что пришлось вагранку к чорту выбивать? Помните? А комсомол где был? Почему молчал о пьянице? Смотрели молча? Что это — кино вам?

— Я голосую — говорит Борщ. — Голосует весь присутствующий актив. Кто за организацию первой комсомольской смены плавки? Не подкачаем, ребята?

— Раз, — считает он, — два, три, четыре, и радостно: товарищ Горбачев. Не подкачаем? Верно?

— Не подкачаем, Борщ, — серьезно отвечает Горбачев, держа еще некоторое время после всех высоко поднятую руку.

— А Чепигу нужно гнать, — говорит Борщ. — Нам таких инструкторов не нужно. Лучше своего комсомольца поставим. Мастер Моисеев — коммунист. Комсомол с ним — рука об руку. Моисеев поможет.

— Правильно! Смена комсомольская — и инструктора комсомольца. Начальник цеха поддержит.

— Лунина инструктором!

— Верно!.. Лунин!..

Лунин густо краснеет: „Ребята... я...“

— Разве не сумеешь? — спрашивает Борщ.

Лунин мгновение, одно только мгновение, колеблется, а потом твердо отвечает:

— Сумею, товарищи.

Утро после выходного.

Солнечное апрельское утро течет в большие окна широкими потоками золотой пыли.

Вагранки сдержанно гудят.

Но вот из летки волнистой струей ударил огненно-желтый металл и полился в подставленный ковш. Ковш наполнился. Тогда он летит по выгнутой монорельсе к конвейеру, где его ждут комсомольцы-заливщики.

С сегодняшнего дня — ни одна опока не должна пройти не долитой или не залитой. С сегодняшнего дня ни один грамм чугуна не должен попасть с более низкой против требуемой температурой: комсомольская смена на местах.

Пирометрист Борщ внимательно следит за температурой металла.

Подошел Чепига. Он уже тут не инструктор.

— Сколько? — спрашивает он, тыкая пальцем в пирометр. — Сколько сейчас градусов?

— 1310 — спокойно отвечает Борщ.

— Врешь, на глаз вижу, что 1200. Врет ваша комсомольская машина!..

— Чепига, — еще спокойнее говорит Борщ, — слышишь Чепига? Что тебе тут делать? Иди лучше.

И Чепига уходит.

— Бюро... — шепчет он сквозь зубы.

По четырем конвейерам группы „а“ двигаются к вагранкам дефицитные детали: маховик, коробка скоростей, головка цилиндра, поршень, гильза. Их ждут станки моторного, большой конвейер сборочного.

Их ждет большевистский сев.

Мимо четырех конвейеров группы „а“ проходит бригадир комсомольской смены — Лунин. Он следит за каждым движением заливщиков.

— Будь уверен, Лунин, не подкачаем! — весело кричит Горбачев.

К Лунину подходит мастер Моисеев. Лунин делает несколько быстрых шагов навстречу, хочет спросить, но не спрашивает.

Мастер видит волнение Лунина, мастер знает, как этому парню, который недавно пришел из села, вырос в цеху, научился работе и горит ею — как ему хочется, чтобы все ребята его смены работали безукоризненно.

Ведь в том и сила молодого завода, что передовая его молодежь не только учится, но и горячо стремится к тому, чтоб как можно лучше передать свой опыт другим.

Ведь и он, мастер Моисеев, разве не испытывает самую большую радость тогда, когда его ученики становятся хорошими работниками?.. При чем значительно быстрее, чем когда-то сам Моисеев!

Моисеев еще не имеет точных данных о сегодняшнем браке.

Правда, есть предварительные сведения, что брака по вине плавки значительно меньше, чем раньше.

Но он уверенно говорит: — Хорошо, Луин, очень хорошо. Недолива почти нет, а пропущенных деталей совсем нет.

Луин сдерживается. Но понемногу на его широкое вспотевшее лицо ложится улыбка.

— Слышишь, Борщ, — взволнованно зовет он, — брака ведь меньше...

— 1320, как часы, — отвечает Борщ, вглядываясь в пирометр.

— Товарищ мастер, завтра, будьте любезны, узнайте о качестве металла... в лаборатории...

... По четырем конвейерам группы „а“ двигаются к вагранкам дефицитные детали.

На конвейерах стоят — Горбачев, Божко, Губин... Комсомольцы, командиры своих участков.

ОБНОВЛЕНИЕ

Кузьма Иванович Зеленский, мастер бригады лекальщиков, был занят чрезвычайно тяжелой и важной работой.

Одна из двух железных печек, стоящих в лекальной мастерской—маленьком дощатом сарайчике, отгороженном в углу инструментального, еще не оборудованного и не оконченного цеха, беспощадно дымила, выбрасывала густые клубы черного дыма, и ее труба, подвешенная к бетонной балке, все время угрожала свалиться на верстаки. Как раз возле этой трубы, и возилась вся бригада лекальщиков во главе с мастером Зеленским.

Сахаров—старый квалифицированный слесарь, стоял на верстаке, стараясь удержать трубу, трое молодых лекальщиков, недавно пришедших из учебного комбината, помогали ему снизу.

Все остальные помогали дружескими советами и командой.

В мастерской сделалось почти темно, густой дым застилал и без того грязные, не протиравшиеся с самой постройки, окна. Труба, в конце концов, таки не удержалась, охнула, немножко покачалась в воздухе на последней проволочке, потом потихоньку, важно склонилась и упала на верстаки.

Дым еще гуще повалил из печки.

Тогда вся бригада принялась за работу. Печку немедленно потушили. Трубу начали пристраивать снова, и, наконец, дым начал постепенно расходиться.

Только тогда кто-то заметил, что у входа в мастерскую стоит высокий человек в кожаном пальто и с любопытством наблюдает за горячей работой лекальщиков.

Все бросились к своим тискам. Зеленский подошел к человеку в кожаном пальто.

Это был начальник строительства ХТЗ Свистун.

Когда он говорил, губы его все время складывались в ироническую улыбку.

Сначала он спросил—всегда ли лекальщики заняты такой точной и квалифицированной работой, как ремонт железных печек?

Зеленский ответил, что не всегда, но частенько приходится.

— А почему в лекальной мастерской грязно, как в сарае?—немного непоследовательно переменял тему Свистун.

Зеленский немного растерялся. Ведь даже на ХЭМЗ'е, наиболее организованном и лучше всех оборудованном заводе, разговоров о чистоте не было слышно.

А тут на тебе, плохенький сарайчик, просвистанный всеми ветрами, который очевидно по недоразумению называется лекальной мастерской, и начальник строительства требует, чтобы в этом сарае было чисто, как в больнице...

Зеленский так и ответил:

— А вы что хотите, чтоб мы тут вылизали все, что ли?

Мастер не боялся абсолютно никого, до Свистуна включительно.

Такого ответа Свистун не ожидал. Секунду он смотрел на Зеленского, потом глянул за верстак: там лежала немалая гора сора.

— А это—тоже необходимо в лекальной мастерской?

Зеленскому стало не по себе. Свистун сказал еще несколько острых слов, предложил всей бригаде после шабаша прийти к нему в кабинет и вышел...

... Зеленский сел на стул и начал возмущаться:

— Ну, вот, а как же, так мы его моментально и вылижем, все до щепочки. А как же!

Молодой лекальщик Эли Гулашвили, который впервые попал на большой завод, поддержал его:

— В самом деле, Кузьма Иванович, мы же грязную работу делаем. Зачем же чистота такая?

— Ну, уже и грязную. Работа у нас самая чистая. Но не в таком же сарае блестящие лекала делать.

Кузьма Иванович возмущался еще с полчаса, потом работа отвлекла его мысли, и утренний случай начал забываться.

Но где-то в глубине мастер чувствовал, что недаром начальник строительства Свистун и начальник инструментального цеха Мексин так убиваются за чистотой. Тут было что-то новое и необычное для воспитанного на старых заводах мастера.

Никто, кроме руководящей верхушки завода, бывавшей за границей и в Сталинграде, не представляли себе точно, каким же будет готовый завод.

Кузница еще светила голым костяком своих железных конструкций, литейный только еще подымался вверх из громаднейших гор наваленной вокруг земли, механосборочный представлял собой коробку с дырявым потолком и грязью вместо пола. Во всем этом очень тяжело было найти хотя бы очертания того завода, который похож скорее на ювелирную мастерскую, чем на завод тяжелых „интервов“.

Именно это мешало даже таким высококвалифицированным людям, как мастер Зеленский, оценить всю важность чистоты и порядка на таком гигантском заводе.

Бригада лекальщиков пришла в кабинет Свистуна.

Состояла она тогда из мастера Зеленского, трех старых квалифицированных слесарей: Новикова, Пояркова, Сахарова и десятка молодых слесарей, которые два месяца переквалифицировались в учкомбинате и недавно перешли в цех.

Все уселись на стулья и внимательно выслушали первую в истории ХТЗ речь Свистуна о порядке, о чистоте, о дисциплине работы в новом заводе.

Слушали долго и внимательно. Для многих только теперь стали понятны заботы Свистуна и Мексина.

Понемногу начали появляться новые станки в инструментальном цеху.

Выдупляясь из тяжелых сундуков, из промасленной бумаги, они выстраивались в залитом солнцем зале будущего цеха. Одновременно с этим в грязном сарайчике—лекальной мастерской—день ото дня становилось чище.

Нетребовательный сначала к чистоте мастер начал требовать ее от каждого рабочего.

Эли Гулашвили, Назаров—молодые лекальщики—часто даже возмущались, если мастер заставлял их вычистить тиски до зеркального блеска.

Эли Гулашвили говорил:

— Ну, зачем, Кузьма Иванович, зачем, я спрашиваю? Вот перейдем в цех, там и будем чиститься.

Но сам мастер уже хорошо понял, что маленькая лекальная мастерская—это большая школа для перехода в цех.

— Приучайтесь, приучайтесь,—отвечал он Эли Гулашвили.

И тот, ругаясь, приучался.

Лекальная работа, работа на самых точных измерительных инструментах требует чрезвычайной точности.

Новейшие достижения техники—станки инструментального цеха ХТЗ работают с точностью до микронов.

Самый тонкий слой грязи на станке имеет толщину в несколько десятков микронов. Вот почему вопрос о чистоте на ХТЗ перерастал в такую громадную проблему.

Готовые к работе станки уже выстроились в цеху. Бой за овладение техникой чистоты, сложнейшей техникой в мире, начались развернутым фронтом...

Возле громаднейших окон, из которых никогда не исчезало солнце, стояли новенькие, покрытые линолеумом станки.

Это была новая лекальная мастерская.

Мастер Зеленский переводил свою бригаду из сарая-школы в цех-университет.

ДВЕ МОЛОДОСТИ СТАРОГО МАСТЕРА

ПОРТРЕТ ОДНОГО ИЗ РЯДОВЫХ ТВОРЦОВ ИСТОРИИ „СЕРПА И МОЛОТА“

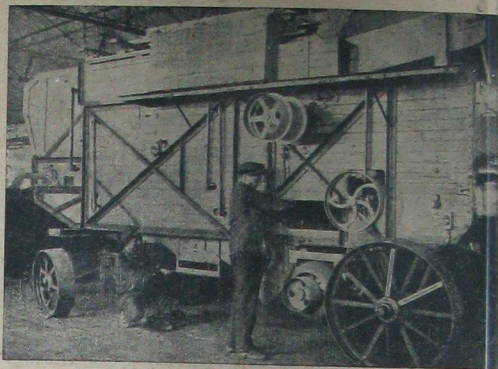
I.

Они—обыкновенные, простые люди, наши ударники, лучшие сыны своего класса и „героического“ внешне в них как будто бы ничего нет. Делали то, что надо было делать пролетариям, отдавались этому делу по рабочему, по пролетарскому осуществляя задачи непобедимой своей партии и ее вождя. Потому о таких блестящих результатах этой общей работы и рассказывали рабочие и колхозники с трибуны рабоче-колхозной конференции на заводе „Серп и Молот“, так красноречиво говорили сами за себя экспонаты выставки, организованной в зале заводского клуба, флоры плакатов и диаграмм; потому ударники завода и ударники социалистических полей—мастера машин и тракторов—так глубоко и внимательно обсуждали пути дальнейшей борьбы, дальнейших побед.

Седой Георгий Петрович Столяров, мастер котельного цеха, слегка взволнован вниманием к нему. Он просматривает номер „Правды“, где вспоминается о нем, и улыбается немного смущенной улыбкой.

— Честь, конечно, большая. Как же, в центральном органе нашей партии вспоминают старого мастера... когда мы локомотивы ремонтировали, я об этом не думал... Я же делал обыкновенную работу, какую и каждому нужно делать. А особенно, когда знаешь, что это мы делаем для себя.

И сидит на рабоче-колхозной конференции—радостной и умной конференции, которая стала праздником зажиточной жизни и рабоче-колхозного единения, старый, седой мастер с молодыми глазами, и усмехается, и хочет скрыть свое волнение, свою гордость, когда его имя называют с трибуны в числе первых премированных. Он на клубной сцене, в президиуме, за столом под знаменами перемешались колхозники с рабочими. Секретарь ЦК КП(б)У тов. Любченко только что докладе обрисовал наши победы, победы Советского



„Серп и Молот".—Новая электро-
молотилка производства завода.

Союза, строящего победоносно социализм, неотрывной части его—советской Украины и ее небывалых успехов. Этот переломный 1933 год, рассказал также о злобных, бессильных попытках контрреволюционеров-националистов подорвать, пошатнуть мощь пролетарской диктатуры...

Необычайный шум за сценой... Это подарки, привезенные колхозниками своим шефам, в доказательство своей зажиточной жизни, живые подарки—овцы, поросята, гуси, куры, вносящие необычайное оживление в конец этой конференции...

Вот эти подарки на сцене... Слепит синий свет юпитеров, и в его свете удивленно жмурит свои глаза чудесный белый поросенок колхоза „Червона Нива", которого привезли в подарок секретарю ЗПК „Серпа и Молота" тов. Лишину; белый гусь-великан удивленно вытянул свою шею—это коммуна имени Ильича дарит директору завода т. Гросману свой подарок, как лучшему ударнику, сумевшему дать своевременно молотилки со своего завода; а вот такого же белого гуся-великана подносят и ему, седому мастеру Столярову.

— Это вам от коммуны имени 23-ей дивизии, как лучшему ударнику по ремонту локомотивов.

Георгий Петрович оглядывается, Георгий Петрович пр...

имает подарок, а вокруг оркестр, свет, радостные лица, шум этой конференции-праздника. А за столом президиума он видит еще новых товарищей—молодая пара, в самом деле „молодой“ и „молодая“ — комсомолята из колхоза Прилужье, свадьбой которых заканчивается конференция...

Они, радостно смущенные, юные, взволнованные, сидят рядом с наркомздравом тов. Канторовичем и Наркомпросом Затонским, их „посаженными отцами“. Молодые разговаривают с „отцами“, а с трибуны вызывают новых ударников и идет дальнейшее премирование.

Георгий Петрович вспоминает свою молодость, свое детство. Он снова чувствует себя молодым, совсем молодым, просто как те молодята, которые сидят за столом президиума.

У Георгия Петровича стаж не малый. С 1877 года он работает на заводах Харькова, из 68 лет жизни 57 отдано вводу... С 1899 года на „Гельферих Саде“, теперешнем „Серпе и Молоте“, отмечающем как раз сейчас в бурных и то же время деловых волнах рабоче-колхозной конференции свою победу на сельско-хозяйственном фронте весны, лета и осени 1933 года.

И понятно, почему старый мастер бывшего „Гельферих-Саде“ так дорожит, так гордится нашими советскими годами работы на „Серпе и Молоте“, *на себя*, а не на „хозяйчиков“ „хозяев“, почему ни одной минуты теперешней работы *на себя*, *на свой класс* он не хочет отдать ни болезни, ни старости.

От нашего бурного настоящего, от которого чувствуют себя молодыми старые ветераны производства, от конференции и колхозной свадьбы на ней, от 6 локобилей, которые ударно отремонтировал тов. Столяров со своею бригадой—мы вместе с т. Сталяровым оглянемся в прошлое. Перед молодыми еще глазами мастера встают картина картиной.

II.

Одиннадцатилетним мальчиком приступил Столяров к работе...

Не помнит старый мастер своего отца—бывшего крепостного князя Юсупова... Умер он, когда мальчику и восьми лет было... А в семье трое детей, а в семье нищета, голод... что мать... Не малый путь от Писаревки до Харькова, но не бегал он маленького мальчика... и вот он уже бродит по улицам такого большого для него города, ищет работы...

Где-то на базаре какой-то „купец“ берет мальчика... — Будешь и подметать, и стеречь, и приказчикам помогать, и покупателей зазывать... все понемногу будешь зарабатывать... А спать? Да здесь же на рундуке и спать бу-

дешь, тепло же... Плата? А есть же будешь — разве ма
плата?

Но мальчик не долго был у „купца“.

Грузили товар купца на станции. Впервые мальчик у
дел паровоз. Когда вспоминает об этом случае тов. С
ляров, загораются его глаза — разве это не лучшее в
поминание его детства?

— Очень приглянулась мне по сердцу машина. Как я теп
люблю свои локомотивы, которые ремонтирую — они
живые гудят вот целое лето и осень на полях Петровщи
а тогда, как увидел паровоз, только и мысли было
как бы стать к машине. Был такой завод Тrepкe, куда
лолетних принимали на работу в „ученики“ — но я у
опоздал. Ну и пошел я к кустарю Шапареву — самовар
и замки чинил. Ну этот же и эксплуатировал нас, м
лых — как хотел. Работали от пяти часов утра до де
надцати часов ночи. Там же в мастерской, в мусоре, при
на полу и спали. Кормили очень плохо, а работу тре
вали как со взрослого и бил сильно. Вот там я и палец сво
повредил.

Сверлильный станок крутили вручную — тоже мальчи
такой же, как я... Вверху для него помост специальный
ходит и крутит... Было поздно... Спать хотелось до смер
с 5 часов утра до 12 ночи мальчику проработать — это
шутка... Стою за станком и работаю как сквозь сон...
знаю как — вдруг палец попал меж шестерен. Крикну
Мой „двигатель“ наверху остановился... А палец меж
зубцами шестерен... Боль такая страшная, что мне показ
лось — пальца совсем нет. Кричу „дай назад“. Мой „двиг
тель“ повернул назад — оказался из-под шестерен м
палец — расплюснутый, весь в крови... Долго заживал.
Лечить приходилось самому и хозяину боялся сказать
прогнал бы нас обоих... Завяжешь и работаешь... А пале
гниет — и запах слышен... Долго я с ним мучился...

И Георгий Петрович показывает свои руки, руки 58-ле
него рабочего стажа. Жизнь много положила на них отпеча
ков, мозолей и шрамов, но сильнее всех в памяти шра
его скитаний детских лет.

— Понес я однажды кастрюли тогдашнему губернатору
Лорис-Меликову. Повар взял кастрюли, налил мне борщ
дал оладьев. Я от роду так не ел, собственно до того
когда не наедался. А тут мне он и 7 копеек дал. Вперв
в жизни я почувствовал себя не голодным и обеспеченным
деньгами. Пошел в кондитерскую, купил там разных кр
шек от кондитерского товара — полную сумку, ну и решил
что я уже совсем обеспеченный. Решил оставить своего
эксплоататора Шапарева. Пришел в сквер. Сажу. Встрет
меня там один рабочий, спрашивает, почему сажу, а тогда

и говорит, что Юдин и Штейле открывают завод и набирают рабочих.

Пошел, долго искал, наконец нашел завод, наткнулся на самого Штейле.

— Работы.

— А кто же у тебя есть из родных?

— Никого.

— А может быть ты какой-нибудь воришка просто, бродяга бездомный?

— Да нет, у меня мать на селе, а отец умер.

Задумался, молчит.

— Ну, так можно к вам на работу?

Долго молчал, пристально осматривая меня со всех сторон, как лошадей на базаре осматривают... Даже мускулы на руках попробовал, подумал еще.

— Да, можно.

Здесь работали с 7 часов утра до 7 часов вечера. Но Штейле тоже бил сильно. Жилой бил. И строгий был, страшно...

А молодые еще глаза под светлыми бровями смотрят снова на свои руки, где тоже оставил какой-то знак Штейле.

Этот завод был котельный, и с этого начинается квалификация старого мастера котельщика.

III.

В 1899 году Столяров перешел на завод Гельферихаде.

— 34 года я уже на нашем заводе.

Переманил меня управляющий заводом Блеке — знал, то я хороший мастер. И обманул. Обещал прибавку и не дал. Только через 15 лет 15 рублей прибавил — по рублю в год — перебирает свои горькие воспоминания старый мастер.

У администрации было четко дифференцированное отношение к мастерам. Одних они поддабривали, делали из них шпионов и прислужников, тех же, которые не шли на то, в лучшем случае только терпели, если это были мастера высокой квалификации.

Были же и такие мастера, которые стреляли в рабочих.

О них рассказывали на совещаниях по истории завода. Известен всем рабочим случай с одним мастером сверильного цеха, о нем рабочие говорили, что он ничего не знает, а поступил на завод потому, что был родственником ли знакомым помдиректора. Это был типичный подхалим-шпион. Его не любили. Он приказывает, его не слушают. Наконец, пошли слухи, что его хотят вывезти на тачке.

Мастер зашел в цех. Ни за что, ни про что ударил верловщика Попова. Рабочие подступили к мастеру с

протестом, начали на него кричать. А кто-то уже подготовил и тачку с мешком, выпачканным сажей. Мастер выхватил револьвер — выстрелил и ранил рабочего Бондаренку в ногу. Второй уже выстрел, был на дворе, когда он, пригнувшись меж станками, бежал к конторе. Забрался на телефонную будку, в одной руке держит револьвер, другой звонит полиции, крича, что здесь бунт и убивают. Возле будки собралась масса рабочих, бросили работу. Звонили гудки...

Вышел Блеке, пробовал успокоить, стал на дверях и заявил:

— Давайте разберем, в чем дело. Я разберу, и все выяснится...—А сам тем временем дал знать казакам.

Пока он упрасивал и разговаривал, прискакали казаки. Начали нагайками избивать рабочих.

Народ разбежался по цехам и там вооружился, особенно молодежь, и чем попало начали бросать из окон, а Кушнренко из красильного цеха схватил трубу аршина в 3 длиной и огрел ею казаков, ехавших переулком. Одного казака обезоружили. Появилась полиция, полицмейстер. Рабочих поставили от конторы до ворот в шеренгу.

— Этого мастера мы выведем, и больше он работать не будет,— сказал Блеке.

И действительно вывели. Только не через шеренгу рабочих, а через сад задворками. Больше этого мастера не видели.

Такие были мастера, господские холоуи.

— А как же фамилия этого мастера?

— Фамилия?...—Георгий Петрович смущенно улыбается. — А вы знаете, фамилию я уже и забыл... Знаю, что какая-то немецкая фамилия, я уже и забыл...

Через несколько дней мне удалось добыть два документа, дополняющие рассказ мастера о мастере. Мы прочитали их вместе. Вот они (подаю современным правописанием):

НАЧАЛЬНИК
ХАРЬКОВСКОГО ОХРАННОГО
ОТДЕЛЕНИЯ

Июля 31 дня 1905 года

№ 2420

г. Харьков.

Секрет

Начальнику Харьковского Губернского Жандармского Управления.

28-го сего июля около 9-ти часов утра рабочие товарищества Гельферих-Саде, будучи недовольны мастерами—сверильного цеха мещанином Карлом Рудольфовым Бергманом и слесарного

цеха Антоном Карловым Доннером, хотели их вывезти на тачках из мастерских. Когда рабочие намеревались взять Бергмана, то последний произвел выстрел из револьвера, но никого не ранил и убежал в контору, куда за ним бросились рабочие.

По просьбе директора завода, рабочие хотя и отступили от конторы, но все таки требовали выдачи Бергмана. После этого среди рабочих поднялся страшный крик и было произведено несколько выстрелов. Из находившихся у завода полсотни казаков—8 человек въехали во двор завода, где рабочие набросились на них с холодным оружием, бросая гайками и другим железом, а также произвели несколько выстрелов, не причинивших однако никакого вреда. Казаки угрозили рабочим нагайками, но так как разбежавшиеся по мастерским рабочие продолжали бросать гайками и стрелять, то казаки в защиту и самооборону себя, по своей инициативе начали стрелять в воздух, выпустив 26 патронов.

Георгий Петрович внимательно слушает.

— Врет немножко начальник охраны... И о том, что закам пришлось убираться во-свояси—помалкивает. Задали им тогда жару.

Читаем второй документ:

РОСС. СОЦ. ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧ. ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Вчера на заводе Гельфериха пролита кровь наших товарищей. Негодяй мастер выстрелил в рабочего. Возмущенные этим товарищи дали гудок и завод стал. Прискакала сотня казаков и набросилась на собравшихся во дворе рабочих. Те разбежались по цехам и, вооружившись гайками и болтами, решили дать отпор. Казаки дали залп, другой, третий... Рабочие ответили выстрелами из револьверов. Посыпался дождь гаек и кусков ж леза. Наши товарищи дрались как львы. Некоторые из них были ранены, но пострадали и царские псы. Сила и мощь отпора ошеломила их, куски железа валили с ног. Часть рабочих прорвалась сквозь цепь полицейской своры и оповестила другие заводы. Встал Бельгийский, заревел гудок паровозостроительного завода. Рабочие последнего решили бастовать впредь до выполнения требований гельферихских товарищей.

Забастовавшие заводы и некоторые типографии послали к губернатору депутатов с требованием разрешить собрание всех харьковских рабочих. Собрание это необходимо: нужно обсудить, предпринять по поводу расстрела гильферихса товарищей.

Товарищи! Кровь пролилась! Нельзя ни работать, преступно молчать! Присоединяйтесь к забастовке и требуйте собрания! Сойдемся все, решим, что нам делать!

Харьк. комитет Росс. Соц.-демократической рабочей партии.

Тип. Харьковского Комитета.

Прокламация измята и в некоторых местах порвана. Старый мастер берет ее в руки, пристально смотрит и глубоко думает.

— Да... Были листовочки тогда... Помню... Большая борьба тогда была... И всякие были среди мастеров. Только не любили рабочие шпионов и подхалимов. Блеке таких как раз на заводе воспитывал—любимчик его были. Хитрый был этот Блеке—директор и акционер завода.

— Что не надумаешь сделать, уже бежит Худаев, Михайлов доложить директору. Блеке среди мастеров тайных шпионов и выискивал, задабривал их и подкупал, что обо всем доносили. Так таких шпионов мы и остерегались, что около тебя шпионит, а на завтра хозяину доложит.

Георгий Петрович не был среди любимцев Блеке, был с рабочими, с теми, которые готовились к демонстрации, готовили оружие, выковывали сабли, отливали бомбы.

— Я не скажу, чтобы я был там политически сознательным, чтобы в организации был, но все же помогал... копыя делал...

Был у нас во дворе склад железа. Там брали круги, железо, оттягивали на горне. Раз-два — и пика хоть куда. Выносили под полюю.

— Была раз демонстрация, в том же 1905 году, когда мы вышли—нас встретили солдаты с музыкой. Ну, думаете, теперь не страшно. Приходим на Павловскую площадь, там артиллерия и генерал говорит:

— Господа, разойдитесь, а то большое бедствие будет.

На одном вечере воспоминаний другие участники демонстрации поясняли, почему такой «мягкий» был генерал.

— Не стреляли в нас во время демонстрации потому, что у нас были бомбы. Мы уже научились их делать хорошо, и так условились — как начнут стрелять — получим «шары». Об этом знали.

IV.

На заводе готовились к восстанию. Большевики призвали вооружаться. К „большинству“ (как на заводе называли большевиков) клонилась масса, видя, что идут они твердо и прямо.

Помню хорошие, тревожные гудки, хватающие за душу. На заводе часто были митинги, выступал на них ортем. Хорошо припоминает его и Георгий Петрович.

— Впервые я его увидел, когда мы устроили рабочий над разными ворами и мошенниками.

Дело в том, что полиция с провокационной целью распустила воров, а потом говорила:

— Вот, бастуют, а потом забастовщики грабят и обижают тех же рабочих.

Об этих судах рассказывал товарищ Пирог, старый рабочий, который и теперь работает на заводе.

— Не мало из тех воров мы и исправили своим судом. Был вор Гаврюшка, а по уличному Цыган. Когда его судили, он вышел на трибуну и клялся перед всеми, что не будет разбойничать и грабить. Позже он действительно из среды наших десятков... Исправили.

Тов. Столяров описывает Артема:

— Был низенький, худощавый, смотрит всегда смело и говорит смело. Ходил в сатиновой сорочке, в картузе с белым козырьком.

Артема рабочие любили и боялась администрация. На заводе он бывал часто. Умел организовать массу... И говорил хорошо—и просто, и ясно, и от всего сердца... Что рабочий думает, то он все и выложит, как на ладони... И таких этих влияний туда-сюда. Прямой человек был, но слово большевик.

Вспоминает старый мастер декабрьское восстание на заводе 1905 года, когда вооруженные рабочие завода боролись против царских войск, расстреливавших завод из пушек.

Это был организованный бой завода с врагом, это была победа завода, которая дорого стоила врагу, так как показала, что рабочие вооруженной рукой могут отстаивать свои права.

Старый мастер тоже тогда был на заводе.

— Припоминаю, это было как раз 12 декабря. Гудели гудки тревожно, пронзительно. Наш завод ждал помощи от ЦХПЗ, который спешил к нам, но его задержали войска. Начался обстрел завода. Оружие у нас было плохонькое—ружья, сделанные нами, и бомбы, которые до солдат трудно было добросить. Мы забаррикадировались листами железа перед собой в цеху. Помню—горели печи. Страшно и странно



1. *Capitata* 211
 2. *Capitata* 212
 3. *Capitata* 213
 4. *Capitata* 214
 5. *Capitata* 215
 6. *Capitata* 216
 7. *Capitata* 217
 8. *Capitata* 218
 9. *Capitata* 219
 10. *Capitata* 220
 11. *Capitata* 221
 12. *Capitata* 222
 13. *Capitata* 223
 14. *Capitata* 224
 15. *Capitata* 225
 16. *Capitata* 226
 17. *Capitata* 227
 18. *Capitata* 228
 19. *Capitata* 229
 20. *Capitata* 230
 21. *Capitata* 231
 22. *Capitata* 232
 23. *Capitata* 233
 24. *Capitata* 234
 25. *Capitata* 235
 26. *Capitata* 236
 27. *Capitata* 237
 28. *Capitata* 238
 29. *Capitata* 239
 30. *Capitata* 240
 31. *Capitata* 241
 32. *Capitata* 242
 33. *Capitata* 243
 34. *Capitata* 244
 35. *Capitata* 245
 36. *Capitata* 246
 37. *Capitata* 247
 38. *Capitata* 248
 39. *Capitata* 249
 40. *Capitata* 250
 41. *Capitata* 251
 42. *Capitata* 252
 43. *Capitata* 253
 44. *Capitata* 254
 45. *Capitata* 255
 46. *Capitata* 256
 47. *Capitata* 257
 48. *Capitata* 258
 49. *Capitata* 259
 50. *Capitata* 260
 51. *Capitata* 261
 52. *Capitata* 262
 53. *Capitata* 263
 54. *Capitata* 264
 55. *Capitata* 265
 56. *Capitata* 266
 57. *Capitata* 267
 58. *Capitata* 268
 59. *Capitata* 269
 60. *Capitata* 270
 61. *Capitata* 271
 62. *Capitata* 272
 63. *Capitata* 273
 64. *Capitata* 274
 65. *Capitata* 275
 66. *Capitata* 276
 67. *Capitata* 277
 68. *Capitata* 278
 69. *Capitata* 279
 70. *Capitata* 280
 71. *Capitata* 281
 72. *Capitata* 282
 73. *Capitata* 283
 74. *Capitata* 284
 75. *Capitata* 285
 76. *Capitata* 286
 77. *Capitata* 287
 78. *Capitata* 288
 79. *Capitata* 289
 80. *Capitata* 290
 81. *Capitata* 291
 82. *Capitata* 292
 83. *Capitata* 293
 84. *Capitata* 294
 85. *Capitata* 295
 86. *Capitata* 296
 87. *Capitata* 297
 88. *Capitata* 298
 89. *Capitata* 299
 90. *Capitata* 300
 91. *Capitata* 301
 92. *Capitata* 302
 93. *Capitata* 303
 94. *Capitata* 304
 95. *Capitata* 305
 96. *Capitata* 306
 97. *Capitata* 307
 98. *Capitata* 308
 99. *Capitata* 309
 100. *Capitata* 310
 101. *Capitata* 311
 102. *Capitata* 312
 103. *Capitata* 313
 104. *Capitata* 314
 105. *Capitata* 315
 106. *Capitata* 316
 107. *Capitata* 317
 108. *Capitata* 318
 109. *Capitata* 319
 110. *Capitata* 320
 111. *Capitata* 321
 112. *Capitata* 322
 113. *Capitata* 323
 114. *Capitata* 324
 115. *Capitata* 325
 116. *Capitata* 326
 117. *Capitata* 327
 118. *Capitata* 328
 119. *Capitata* 329
 120. *Capitata* 330
 121. *Capitata* 331
 122. *Capitata* 332
 123. *Capitata* 333
 124. *Capitata* 334
 125. *Capitata* 335
 126. *Capitata* 336
 127. *Capitata* 337
 128. *Capitata* 338
 129. *Capitata* 339
 130. *Capitata* 340
 131. *Capitata* 341
 132. *Capitata* 342
 133. *Capitata* 343
 134. *Capitata* 344
 135. *Capitata* 345
 136. *Capitata* 346
 137. *Capitata* 347
 138. *Capitata* 348
 139. *Capitata* 349
 140. *Capitata* 350
 141. *Capitata* 351
 142. *Capitata* 352
 143. *Capitata* 353
 144. *Capitata* 354
 145. *Capitata* 355
 146. *Capitata* 356
 147. *Capitata* 357
 148. *Capitata* 358
 149. *Capitata* 359
 150. *Capitata* 360
 151. *Capitata* 361
 152. *Capitata* 362
 153. *Capitata* 363
 154. *Capitata* 364
 155. *Capitata* 365
 156. *Capitata* 366
 157. *Capitata* 367
 158. *Capitata* 368
 159. *Capitata* 369
 160. *Capitata* 370
 161. *Capitata* 371
 162. *Capitata* 372
 163. *Capitata* 373
 164. *Capitata* 374
 165. *Capitata* 375
 166. *Capitata* 376
 167. *Capitata* 377
 168. *Capitata* 378
 169. *Capitata* 379
 170. *Capitata* 380
 171. *Capitata* 381
 172. *Capitata* 382
 173. *Capitata* 383
 174. *Capitata* 384
 175. *Capitata* 385
 176. *Capitata* 386
 177. *Capitata* 387
 178. *Capitata* 388
 179. *Capitata* 389
 180. *Capitata* 390
 181. *Capitata* 391
 182. *Capitata* 392
 183. *Capitata* 393
 184. *Capitata* 394
 185. *Capitata* 395
 186. *Capitata* 396
 187. *Capitata* 397
 188. *Capitata* 398
 189. *Capitata* 399
 190. *Capitata* 400
 191. *Capitata* 401
 192. *Capitata* 402
 193. *Capitata* 403
 194. *Capitata* 404
 195. *Capitata* 405
 196. *Capitata* 406
 197. *Capitata* 407
 198. *Capitata* 408
 199. *Capitata* 409
 200. *Capitata* 410

103. 9062

Текст на
Продолжение, см. стр.

Сергеев

[illegible]

Артем /Сергеев Ф.А./ Жанда
ське фото. Більшовик. Керівни
повстання.

было смотреть, как они и для чего горят... Иногда к нам летали пули. Я выглянул в форточку, в уголке — на крыше стоит солдат... И сразу же в форточку пуля, даже волосы зацепила. Еще немного, и погиб бы мастер котельного цеха. Не пришлось бы теперь старому ремонтировать локомотивы для колхозных полей, не пришлось бы получать премии и слушать приветствия здесь — усмехается молодыми глазами старый мастер.

— Много я уже прожил, а никогда не забуду того дня, тех тревожных гудков, того свиста пуль и грома пушек... Хоть нас и разбили, но мы не чувствовали себя побежденными, царским генералам пришлось ведь идти на наш завод с пушками, брать его как крепость неприступную. Да это была действительно война — не на жизнь, а на смерть.

V.

Шли годы. Началась война... Завод работал „на оборону“. Обработка мастеров со стороны администрации еще увеличилась.

Начались задобривания прибавками, подачками. Делались намеки мастеру, что вот если бы он провел вот такую и такую работу — ему бы дали прибавку. Боялась администрация, когда об этой прибавке кто-нибудь пробовал говорить организованно.

— Спрашивает Гелеспи, помощник директора, меня, почему я прибавки не иду к нему просить. А я и говорю, что я против того, чтобы индивидуально прибавку выпрашивать, что прибавку всем нужно дать. Очень это Гелеспи понравилось.

А потом революция — и вот завод в руках рабочих. Столяров был на собрании товарищем председателя, и ему поручили сделать опись инвентаря. А администрация (Блеке) мастеров уговаривает, чтобы на работу не шли, за это им, мол, заплатим. Но Столяров делает свое. Вызывает его Гелеспи.

— Где вы были?

— Инвентарь переписываю.

— Ай-яй-яй. Я удивляюсь, — вы старый служащий, хороший мастер и идете работать, когда завод закрыт. Понимаете, закрыт! А вы идете работать к голодранцам. Вы после пожалеете.

После того Столяров уже с Гелеспи и не здоровался.

— А денег нам за тот месяц Блеке не заплатил. Для того работали, у тех и получайте...

— Они думали, что без них не обойдемся. Но ошиблись, хотя рабочие не такие были еще сознательные, как теперь, и меньшевики вредили, — все-таки завод закрыть не дали.

Но не долго был завод в руках рабочих. Контрреволюция на некоторое время победила, и в апреле 1918 года на стенах завода было вывешено объявление Харьковской Губернской Комиссары УНР:

„На основании распоряжения Украинской Центральной Рады, завод и контора товарищества „М. Гельферих-Саде“ возвращаются их законным владельцам“

Вспоминает Столяров:

— Петлюровцы хотели нам глаза замазать, надуть—говорили все: „товарищи рабочие, товарищи рабочие, ваши молотки, а наши сабли“. Но они ошиблись, рабочие умели работать не только молотками, а и саблями и пулеметами—и прогнали к чорту всю контрреволюционную сволочь.

VI.

— А при белых завод стоял, а как пришли наши, снова начал работать. Сначала было трудно, а теперь, смотри, план выполняем и завода не узнаешь: растет, продвигается наш завод, — неподдельная гордость и увлечение звучат в словах старого мастера.

— Ну, разве ж можно было в это лето хоть кому-нибудь уйти с фронта, когда такое переломное лето. Многие моих товарищей на село уехало, на работу, ну, а я уже старый решил здесь не сдавать темпов—прячет добродушная теплая улыбка Столяров в седые усы, и молодо смотрит его старые глаза.

Его летом хотели послать на лечение, на курорт. Столяров не поехал.—Я здесь,—говорит,—за работой молодею.

— Знаете, врачи даже признали, что работой живу, и отрывать меня от нее было бы вредно.

— Остался я с 4 молотобойцами. Т. Моисеев мне говорит—вот необходимо локомотивам из колхоза дать ремонт. Ну, раз нужно—значит сделаем. Я и начал работать со своей бригадой. Трудновато было, так как моих ребят учить всему нужно было, никто не знает, что такое соломотопка, а я их раньше делал еще для английских молотилок. Взялись за работу.

— Раз завальцевали ребята трубы, а они текут. Пошли они обедать, а я сам влез и завальцевал. Приходит Ильховский, мастер электроцеха, а я в топке.

— Чего это ты там, старик?

— Да трубы завальцевываю.

— Ну, завальцевал и не текли.

Георгий Петрович о локомотивах говорит с такою любовью, как о детях.

Он расспрашивал на конференции о работе каждого и

стлив был, узнав, что все отремонтированные им локо-
били работают хорошо.

Ему предложили отвозить и привозить его на работу—
отказался.

Единственная мысль Георгия Петровича—доработать до
ца, довести до реализации свой проект реконструкции
омобиля.

— Делаем машины сами, для себя, для нашего нового хо-
ства. Ну, как же тут стариться. Нельзя старым быть.
отаем же не на Штейпе и не на Гельфериха, и не на
ке, а на самих себя. Потому и хочется сделать так,
бы... было хорошо. Такая работа лета молодые возвра-
т—усмехается молодыми глазами старый мастер.

В борьбе за колхозное село, за большевистский урожай
ляров с полным правом занимает почетное место в
ббме лучших" завода.

И на теплом и торжественном празднике, когда горели
им светом юпитера, когда звучали речи секретаря ЦК
пенов советского правительства, когда выковывались
и дальнейших побед завода и социалистических полей—
ям из первых в списке тех, кому колхозники привезли
и незамысловатые, но искренние подарки, доказательства
колхозной зажиточности, доказательства того, что хорошо
летом они работали машинами, которые сделал и ре-
ировал „Серп и Молот“,—был и товарищ Столяров.
его руки, на которых так много вписала история ра-
и жизни своих следов, неутомимые руки старого масте-
о чувствовали тепло этого живого подарка—красавца-
и, тепло смеясь молодыми глазами, сияющими необы-
ым блеском в свете юпитеров, товарищ Столяров го-
и:

— Никогда за всю жизнь я не имел лучшего подарка...
сейчас чувствую себя моложе тех молодят, что сидят
езидиуме. А говорят еще в песне—

А молодість не вернется,

Не вернется вона.

Правда. Возвращается молодость.

И мы еще лучше на следующую весну отремонтируем
омобили и машины... Бригада же у меня молодая и
стариться не хочу...

И еще время—молодое. Хорошее, жизнерадостное время.

ВИНА БОЙЦА

ФРАГМЕНТ ИЗ ИСТОРИИ СТАЛИНСКОГО
ТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА ИМ. СТАЛИНА

Из-за цеха наступает ночь. В темноте — неуклюжие болванки медленно ползут к обжиму первого прокатного стана и как будто колеблются — живые на рольганге — бросаются ли в атаку? Уйти в сторону хочет болванка — поправь прокатчик...

Схватили ее валики, тянут, жмут, а болванка упирается с силой тысячи лошадиных сил давит на стан, чтобы рывком вести его.

Туда и назад калибрами — болванка становится уже, вытягивается длинным огненным удавом. Когда прокатывают „полосу“ 16×14 м/м., то болванка в метр и две десятилетия дает 292 метра...

Калибры стана неумолимо уменьшают и меняют форму: квадрат — овал, овал — квадрат, квадрат — ромб... Болванка изменяет форму и все вытягивается... На чистовой линии особенно мелкие калибры, и кажется, что огненный удав сердится, извивается от злости, вот-вот бросится на прокатчиков, но у этих людей движения точные, точно нажимают они голову удава в очередной калибр; если рабочий не ошибется — не иметь лютому удаву жертвы.

Цех полон огненных линий, извивающихся вокруг людей с ритмическими поворотами тела, с точными движениями рук.

Утомленная борьбой с людьми и валами, болванка длинной лентой вылетает из чистовой и обессиленная вытягивается на стеллажах. Ее подают на „самотаску“ — приспособление социалистического завода. „Самотаска“ подает металл под пресс, там режут на части и сортируют. Металлы для машиностроительным, тракторным заводам готов.

Прокатчики смены № 2, не то шутя, не то сердясь спрашивали врид. нач. цеха Йоктова.

— Что же ты, Иван Михайлович, все даешь нам самые тяжелые профили?

*) Лучший изотовец завода, мастер передовой смены № 2, систематически перевыполняющий план, победитель во всесоюзном конкурсе металлургов (Редакция „Истории Заводов“).

— А кому же их и давать, — пробурчал инженер и сделал вид, что не желает продолжать беседы на эту тему.

Прокатчики переглянулись. Неужели это правда, что Йоктов хочет вытащить свою смену № 4 на первое место, что будет тормозить работу передовой смены № 2.

Так говорили. Йоктов — инженер смены, которая была один только раз на первом месте в цеху, если не считать того времени, когда в эту смену бросили на прорыв мастера Бакалина из смены № 2 *).

Нач. цеха в отпуску. Йоктов замещает его и, поэтому, имеет возможность устанавливать сменам задания — давать им прокатывать определенные профили, регулировать снабжение болванок и угля нагревательным печам, заставлять делать перевалки — смена валов для прокатки других профилей и т. д.

Йоктов промолчал и добавил:

— Вы же лучше всех прокатываете эти тяжелые профили — передовая смена.

На это ничего не могли сказать прокатчики. Промолчал и мастер Бакалин, известный на заводе, как человек с твердой волей и хороший организатор, мастер-партиец, советский молодой мастер, установивший железную дисциплину своей смене.

В смену № 2 не раз направляли безнадежных прогульщиков, и они, попав в окружение дружного дисциплинированного коллектива, исправлялись. Прогульщики не имели никаких поблажек от мастера, и к каждому из них у него свой подход. Назвать хотя бы Ваньку Рыжего — так его прозывали, не заботясь о настоящей фамилии. Когда-то саяк, пьяница и хулиган — в смене Бакалина Ванька вовлекается в общественную работу и немного спустя избирается председателем цехового комитета, где работает не похороше...

Не то шутя, не то с ехидно Йоктов бросил:

— А то может быть пересадим смену два с аэроплана на черепашку?

Что подумал мастер Бакалин после этих слов — неизвестно. Он ничего также не сказал. Посмотрел на своих прокатчиков, и молча все вышли из конторки. Никому больше не хотелось говорить с инженером, так как этот разговор не мог быть ни для кого приятным.

За первую пятидневку октября 1933 года смена взяла первенство в цеху, дав 129% плана. Смена старательно прокатывала мелкие профили автотракторных сталей. Штука большого профиля идет медленнее, калибр стана шире, по-

*) Мастер Бакалин не хотел писать о себе. Его фигура в этом отрывке описана одним из членов творческой группы Сталинского завода — М. Лебедевым.

давать ее легче. Мелкая штука требует быстрых и точных движений, это больше утомляет, угрожает опасностями авариями.

Смена не поддалась. Так было и дальше.

За то не везло смене Йоктова. Например, 19 октября она прокатала 39 тонн круглого автотракторного профиля и только около четырех тонн металла было признано пригодным для тракторов, остальной пошел, как сталисты продукт — низшего качества.

А смена два прокатала тогда же 54 тонны того же профиля без единого килограмма брака — при той же норме 37 тонн продукции, обычной для стана 250.

По старому смене Бакалина дают более тяжелые профили. Если другие прокатывали „полосы“ 25×5 м/м. и т. п., смена прокатывает 20×5 . Если другие давали по 43—45 тонн — эта смена давала по 48—50 и больше.

Не пересадить Йоктову смену с аэроплана.

25/X, когда смена Бакалина выполнила месячный план в 50 тонн, прокатывали твердую сталь № 7. Смена два дает 35 тонн без брака, смена три — 27 тонн, из них 8 сталистых, а смена Йоктова — 20 тонн, сталистых 9. При этом нужно принять во внимание, что в смене два были перевалки, которые уменьшили рабочее время.

25-го смена выполнила месячный план и выполнила 50 тонн раньше, если бы в середине месяца не имела много остановок из-за отсутствия металла. Поэтому проценты выполнения снизились со 129 до 115, и нужно было потратить нагонять.

И тут, при этих тяжелых обстоятельствах, решительный удар нанес смене бригадир хозрасчетной бригады Денисюк, бывший красногвардеец, любивший всегда сравнивать работу на производстве с фронтом.

Много на фронтах пережил Денисюк. Особенно запомнились ему бои с каледицами под Матвеевым Курганом, где белые, отбив одно наступление донбассцев, жестоко издевались над ранеными и пленными. Денисюк иногда плачет рассказывая об этих издевательствах...

— А теперь мы ворчим из-за мелочей, — бросит сердито и отойдет, чтобы успокоиться.

Работа шла чудесно. Прокатывали очень мелкий профиль — круглая тракторная двенадцатимиллиметровая сталь. За четыре с половиной часа выполнили норму смены — 37 тонн. Такая работа обещала не меньше 150% плана, если и дальше исправно будут подавать болванки и уголь. Вдруг Денисюк подает остывшую штуку, валики не могут одолеть ее — 170-миллиметровая шейка одного из них ломается как спичка.

Мастер Бакалин не ходит, заложив руки в карманы, как это он мог бы иногда делать по правилам внутреннего рас-

порядка, осуществляя надзор за работой. И мастер не только командует, если случится какая-нибудь неполадка. Мастер стремится к профилактике аварий больше, чем к лечению их, поэтому первый бросается на помощь неловкому товарищу, и все другие по его примеру делают то же самое. Этим и отличается смена два среди других, что в ней нет равнодушных. У тебя все в порядке, а у товарища не ладится... Помочь, так как от успеха каждого зависит успех коллектива.

Бакалин оперативно руководит работой — раз за разом проверяет стан, следит, не идет ли холодная штука, довольно ли угля в печи, хватает ли болванок. Мастер везде, чтобы в угрожающий момент перегруппировать силы, бросив их на слабое место.

Мастер видит все, и поэтому он первый налетел на Денисюка.

— Ты — бригадир?! Ты — неряха, растяпа. Ты...

Денисюк стоял, понурив голову. Что он мог сказать мастеру и всем товарищам, налетевшим со всех сторон на провинившегося? Они упрекали его со всех сторон — авария срывает работу, это — простой. Денисюк украл у государства металл, который можно было бы дать за то время, какое теперь идет на ремонт.

Одно только повторял бригадир:

— Товарищи, товарищи, я же не вредитель, я не нарочно... Товарищи...

И чуть не плачет...

Партгруппорг прокатчик Конишев на следующий день собирает смену перед работой — накануне нельзя было, так как долго работали над ремонтом. Стоял один вопрос — может ли Денисюк дальше оставаться бригадиром? Бригадир должен служить образцом для всех, а тут он из-за невнимательности учинил аварию. Виновные не надеялись в этой смене на поощрение, на приятельские взаимоотношения — дружба дружбой, а интерес производства прежде всего. Выговор в приказе, протягивание в газете, переброска на худшую работу, предупреждение и увольнение... Горячий Бакалин иногда сердито кричит, выговаривает, но всегда за дело, и поэтому он пользуется авторитетом, а в смене дисциплина.

Все, начиная от мастера и группорга, ожесточенно крыли Денисюка на собрании смены. Ведь через его аварию процент выполнения сразу снизился, стране не dodан металл. Денисюк не может оставаться бригадиром — с этим соглашались все. Но больше всех укорял бригадира его начальник возле стана Булаков:

— Как ты можешь следить за работой, если ты все время оглядываешься, не идет ли кто за сапогами, которые год

уже шьешь? Людей только обманываешь, не сапожник ты и не прокатчик и уж никак не бригадир!

Булаков припомнил тут немалый грешок Денисюка. До работы на прокатке он сапожничал и до сих пор не забыл как тачать прекрасные сапоги — объект зависти местных франтов. Зная его искусство, товарищи просили Денисюка по знакомству починить что-либо из обуви или пошить. Но прокатчик их быстро разочаровал — одни сапоги ухитрился шить целых два года.

Если Денисюк видел, что идет какая-то из его неосторожных жертв, он быстро отыскивал ее обувь и бросал мочить: — Вот видишь, уже намочил, завтра закончу.

Но „завтра“ тянется месяцами, так как сразу же, попрощавшись с клиентом, Денисюк помещает его обувь на старое место — под лавку.

Некоторые иногда приходили в цех узнать о заказе.

— Так вы, значит, дали ему сапоги починить? — невинно с лукавой улыбкой спрашивает кто-либо из прокатчиков.

— Ну, да. И все никак не могу дома застать — то на работе, то на собрании, а то на огороде...

— И уже с полгода прошло?

— Что?

— Нет? Так чего же вы ходите. Денисюк вам раньше не сделает — проверено.

Клиент начинает сердиться.

— Но за то уж если сделает, то на красоту, — утешает прокатчик и отходит, чтобы не раздражать смехом и без того обеспокоенного несчастного заказчика.

Во время всех выступлений Денисюк молчал. Сидел как человек, которого навсегда покрывают несмываемым позором или должны осудить на смерть. Но иногда совсем неожиданно по лицу пробегал луч улыбки смущения. Так как лицо было озабочено и сурово, улыбка больше походила на гримасу.

Когда ему дали наконец слово, Денисюк сорвался с места, как будто ему подсунули раскаленную болванку. Заглушаемая упреками и обвинениями товарищей энергия сразу ожила. Отбросив резким движением фуражку, он крикнул во весь голос:

— Товарищи!!

Смущенно повторил тихо —

— Товарищи...

И тут все увидели на глазах у бригадира слезы.

— Товарищи, я не вредитель. Почему вы так говорили, что как будто выходило это. Я с вредителями революции

а фронтах бился, я тут — на этом фронте — с вредителями всегда воевал. Я валик сломал и заслуживаю наказания, о... я не вредитель... Не вредитель, а тут в словах так выходило, товарищи. Я подал холодную штуку...

Бригадир повидимому подыскивал слов, поэтому умолк. Заварила мертвая тишина...

— Бригадир искал кого-то глазами. Тыча грозно пальцем старшего прокатчика Фохтмана, которого называли „Васька немец“, кричал:

— Это он, он, Васька Немец, заставил меня подать эту штуку. Я не хотел, я видел, что она остыла. „Давай, пройди!“ — сказал Немец и вот. Как боец, я должен был выполнить приказ... Как боец...

Подскочив к тумбочке, застучал по ней кулаком...

— Застрелить паразита!

Прокатчики засмеялись — у Денисюка говорил 18-й год...

Прокатчики еще смеялись также потому, что вина бригадира оказывается не так уж большая, — больше ошибок Фохтман.

— А если бы Фохтман не просто ошибся — на „авось“ пошел, — а вредитель был, так ты обязан его слушать? — спросил Бакалин

— Как боец, я...

— Контрреволюционные приказы не выполняются даже военному уставу, должно быть ты слышал об этом. А ты знал, что приказ ошибочный — холодная штука — сам видел. Ну, хорошо, значит это была не небрежность, ошибка. Денисюк может остаться бригадиром, если он оправдает себя в дальнейшем.

Это было то, о чем думали все.

Сделаем из этого дела все выводы, — сказал парторг, — больше внимательности, бдительности на работе. А теперь еще одно — так как программа у нас перевыполняется, мы должны взять на себя отдельные задания. Из перевыполнения за октябрь мы должны дать 50 тонн юбиляру-комсомолу 50 тонн в подарок Октябрьской годовщине.

Этого даже не обсуждали. Что так должно быть, было ясно. На следующую ночь — смена работала ночью — еще до первого гудка, смена два уже атаковала станы. Прокатчик должен знать станы, уметь их ремонтировать. Каждый отвечает за свой стан — обезличка ликвидирована.

Пошли в ход ключи, щипцы, молотки. Проверялось все особенно тщательно — все готовились в горячей работе. Посмотреть на цех — развалина. Сняты все щиты... Когда начинать ремонт?

Осмотр длился всего полчаса. Все было готово.

Мастер уже дал сигнал пускать мотор, вдруг подбегает Денисюк:

— А сменно-встречный?

Короткое совещание... Норма — 37...

— Дать — 50, — первый сказал бригадир, и никто не возражал.

— А уголь и болванка в аккурат будет.

— Будет, — подтвердил мастер и обратился к сварщикам.

— Яша, нагреешь 50 тонн?

— Давай только. И 60 нагрею.

Яков Савельев — старый кадровик. Пьянство прокатчиков при царизме на производстве — дело обыкновенное, и администрация даже не преследовала — каторжная двенадцатичасовая работа. Пусть пролетариат лучше водкой успокоится, чем трезво искать выхода из такой жизни.

И в советский цех перенес Савельев старые привычки: немало воевал с ним Бакалин и теперь Яша — лучший ударник. Его печь никогда не тормозит работы смены.

— Все на места! Мотор — полными оборотами! — крикнул мастер, и бойцы за металл бросились к стану. Через мгновение дали пробные концы. Пошли хорошо...

Бесконечные огненные ленты наполнили цех, эхо шло от громких выкриков прокатчиков:

— Давай! Давай! Давай скорее!

А кто по молодецки призывно свистал, сигнализируя конец определенной операции. Партия в двадцать болванок после которой группа прокатчиков отдыхает, уступая место другой — пока она выполнит свою партию — партия в 20 болванок проходила за 10—15 минут вместо 40.

Звонок на смену веселый — есть в цеху виртуозы, дававшие различные мелодии на буфере, в который отбивали сигналы, — теперь смена была веселая, и Филонов танцует по звонку, жонглируя щипцами. Этот самый Филонов, если работает медленно, т. е. не ладится, часто — утомляется, едва на ногах стоит.

Ток энтузиазма поддерживал энергию.

В минуты своего отдыха, Денисюк суеился по цеху — то поможет кому-либо, то песку подсыпет, если на обжимной болванка упирается, то в печь заглянет... или влезет в какое-нибудь возвышение и на весь цех кричит:

— Давай! Давай быстрее! Комсомолии и революции!

Мастер тоже бежит от стана к стану. Мотор полных ходом, болванки быстро атакуют станы. Каждая с силой тысячи лошадиных сил давит на калибр — выдержат и валики такую напористую работу, какая бушевала всю ночь. За каждой штукой, за каждым винтиком следит мастер.

Мастер тут — там — везде...

В ту ночь смена поставила непревзойденный до того времени рекорд — дала 61 тонну.

Месячная программа была выполнена 25-го. К первому

смена дала обещанный металл — подарок комсомолии и Октябрьской годовщине.

И никто не ставил вопроса о замене бригадира Денисюка...

Сталинский завод,
железопрокатный цех.

2/XI-83 г.



ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ ИЗДАНИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“

Постановление ЦН ВКП(б) от 10/X 1931 г.

1.

Одобрить предложение тов. М. Горького и приступить к изданию серии сборников „Истории заводов“. Сборники эти должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплуатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и под'ем производства за последние годы.

К составлению „Истории заводов“ должны быть привлечены как сами рабочие, так и хозяйственники и инженерно-технический персонал.

2.

Утвердить редколлегию „Истории заводов“ в составе: т.т. Горький, Каганович Л., Постышев, Андреев А. А., Енукидзе, Стецкий, Бухарин, Пятаков, Шверник, Косарев, Цихон, Богушевский, Вс. Иванов, Авербах, Гронский, Гастев, Панкратова, Мехлис, Попов Н., Либединский, Колотилов, Терехов, Самойлов, Сулимов, Чумандрин, Зайцев, Писарев, Цыперович, Сейфулина.

3.

Издание „Истории заводов“ возложить на ОГИЗ.

ЦК ВКП(б).

Инструкция Главной редакции

Постановлением от 10 октября 1931 г. ЦК ВКП(б), одобрив инициативу т. М. Горького, предложил приступить к изданию „Истории заводов“ СССР.

Эта „История“ должна быть большевистским показом наиболее значительных промышленных предприятий СССР с момента их возникновения до наших дней.

Обобщая исторический опыт борьбы пролетариата на пути его к диктатуре и опыт строительства социализма в СССР, „История заводов“ должна выполнить важную политическую задачу: научить понимать, ценить и укреплять революционные завоевания рабочего класса.

„История заводов“ ставит перед собой прежде всего политические цели—воспитание на историческом материале многих тысяч новых рабочих и подрастающего поколения пролетарской молодежи, вступающей сейчас в ряды строителей социализма. Изучая прошлое для понимания настоящего, „История заводов“ тем самым будет живым орудием мобилизации масс для строительства социализма.

Вместе с тем „История заводов“ должна стать концентрацией боевого исторического опыта и опыта строительства социализма для международного пролетариата, вступившего сейчас в решительную стадию борьбы с капитализмом, успех которой непосредственным образом связан с успехами пролетариата СССР.

Наконец „История заводов“ своим правдиво, широко развернутым большевистским показом совершающейся социалистической стройки должна крепко ударить по нытикам, маловеерам и оппортунистам всех видов, не верящим в творческие силы пролетариата, в достижения его коллективного разума и воли.

К „Истории заводов“ самое непосредственное отношение имеют указания т. Сталина, сделанные им в статье „О некоторых вопросах истории большевизма“: „Нужно поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски“.

Исходя из намеченных задач и целей, вся серия книг по „Истории заводов“ должна быть проникнута единством марксистско-ленинского метода и содержания, определяе-

мым единой программой. Последняя должна быть в первую очередь разработана на основе указанной выше общей политической установки. Предварительной схемой такой программы должна служить настоящая краткая инструкция, которая может помочь при первых шагах по собиранию и систематизации материала по истории фабрик и заводов. При этом следует решительно бороться с бюрократическим отношением к этому плану как к стандарту, под который нужно только подгонять материал.

Стержнем программы должны быть сравнительный показ и конкретное противопоставление двух систем—капиталистической и социалистической. Весь материал в сборнике поэтому организуется и освещается в двух основных частях: предприятие в условиях предкапиталистического и капиталистического режима с основным упором на показ методов и форм капиталистической эксплуатации рабочего класса и предприятие в условиях строящегося социализма с четким и конкретным указанием того нового в рабочем классе, что создается социалистическими условиями производства, труда, быта, культуры и пр.

Материал следует располагать по основным экономическим и политическим этапам истории нашей страны. Для старых, дореволюционных заводов такими этапами будут: крепостное хозяйство, реформа 1861 г., экономический подъем 90-х годов, кризис начала 900-х годов, японская война, революция 1905 г., реакция 1907—1910 гг., промышленное оживление 1911—1913 гг., империалистическая война и Февральская революция. Это составит первую часть книги.

Во вторую ее часть войдут: Октябрьский переворот, период гражданской войны и военного коммунизма, нэп—восстановительный период, реконструктивный период.

Желательно дальше указать перспективы дальнейшего развития заводов.

При описании истории завода рекомендуется иметь в виду следующие главные темы: социально-экономическую и производственно-техническую характеристику завода, историю рабочего и революционного движения на заводе и историю партии большевиков, культуру и быт.

В социально-экономической и производственно-технической части главное внимание должно быть сосредоточено на анализе и изображении капиталистической структуры предприятия, на показе эксплуатации рабочих, составе рабочих, зарплате, рабочем дне, безработице, степени и формах эксплуатации рабочих со стороны капиталистов, государства, администрации, купцов, духовенства и пр. Гнет национальный. Бесправие рабочих. Роль царского суда. Следует также отметить экономическую связь завода с

другими предприятиями, его влияние на экономику области, его роль в общем хозяйстве страны, его связи с заграничьем.

В истории рабочего и революционного движения и истории большевистских организаций на предприятиях надо показать рост политического и классового сознания и организованности рабочего класса, его борьбу за экономическое и политическое освобождение и ту роль, какую в этой борьбе играла большевистская партия, являвшаяся всегда выразительницей и вожакom пролетариата, ведущим его правильным путем к конечной победе. Показать борьбу марксизма-ленинизма за гегемонию в рабочем движении, разоблачить роль всех других партий, представлявших собой классово-враждебные влияния на пролетариат (меньшевики, эсеры и др.) и превратившихся впоследствии в оружие открытой контрреволюции. Конкретно следует отметить по возможности все фазы революционного движения рабочих: стихийное движение протеста во времена крепостного права, стачечное и революционное движение 60—80-х гг., роль народников, стачка 90-х годов, первые кружки марксистов и социал-демократов, становление большевизма, борьбу с экономизмом и другими враждебными пролетариату течениями, революцию 1905 г., советы рабочих депутатов, забастовки, профсоюзы, демонстрации, боевые дружины, вооруженные выступления, связь движения с деревней, реакция 1907—1910 гг., подъем 1911—1913 гг., ленинские события, политические забастовки, войну 1914 г., попытки установить „классовый мир“ и их результаты, антивоенное движение и, наконец, Февральскую революцию, роль в ней различных политических партий, процесс саморганизации рабочих: фабрично-заводские комитеты, рабочий контроль, борьбу с безработицей, борьбу за 8-часовой день, забастовки, отношение к Временному правительству, выборы в совет рабочих депутатов, работу профсоюзов, организацию Красной гвардии, июльские дни, корниловщину, выборы в учредительное собрание, II съезд советов.

В главу по революционному движению войдут описания реакции и контрреволюции: репрессии правительства, капиталистов, роль оппозиционных, либеральных, зубатовских и черносотенных организаций и их борьба с революцией.

Эти описания не должны быть „мертвой“, „академической“ летописью событий. Они должны разоблачать классового врага, срывать с него всячески маски, вскрывать его подлинную эксплуататорскую сущность.

В разделе культуры и быта должны быть показаны в подлинном виде те полуживотные культурно-бытовые условия, в которых держала буржуазия рабочих завода до Ок-

тября: антигигиеническое состояние фабрик и жилищ, рабочие казармы, безграмотность, фальсификация просвещения (церковно-приходские и другие школы), эксплуатация труда женщин и детей, болезни, благотворительность, церковь на службе самодержавия, сектантство. В противовес всему этому надо показать культурную самостоятельность рабочих и роль в ней большевиков. Следует обрисовать также разнузданный, ханжеский образ жизни и жесткие нравы господствующих групп, дать примеры их самодурства и расточительности, показать фигуры наиболее типичных капиталистов реакционного, либерального и радикального лагерей.

В основу второй части сборника, посвященной истории завода во время и после Октябрьской революции, следует положить описание организации, перестройки, реконструкции завода на новых, социалистических началах в процессе классовой борьбы: плановость работы, хозрасчет, реконструкция предприятия, новые формы управления и контроля, рабочее изобретательство, рост коммунистических форм труда, ударничество, соцсоревнование, герои труда, промфинплан и встречный, удешевление продукции, рост зарплаты, 7-часовой рабочий день, ликвидация обезлички, программа пятилетки и темпы ее выполнения. Показать здесь огромную организующую роль партии и комсомола. В этом разделе необходимо отметить изменения в составе рабочего класса, рабочую молодежь и т. д.

Предварительно следует осветить предшествующую этому этапу хозяйственную разруху и борьбу с ней, состав рабочих в этот период, настроение отсталой части рабочих, рвачество, влияния классово-враждебных сил, вредительства, узкие места производства и пр.

Надо подробно показать роль завода в Октябрьской революции как в подготовительный, так и в боевой ее период: продотряды, вооруженные выступления, боевые дружины и Красную гвардию, организацию власти на заводе, борьбу партий, большевизацию масс и установление диктатуры пролетариата.

Столь же необходимо подробно обрисовать участие заводов в гражданской войне, как прямое (завод как участок фронта), так и косвенное (снабжение фронта, выделение боевых отрядов и политических работников и пр.); выявить боевую деятельность большевиков как организаторов победы и в дальнейшем—после установления советской власти—рост партии и влияние ее на массы, генеральную линию партии и борьбу со всяческим оппортунизмом, успехи соцстроительства на основе непримиримого проведения генеральной линии партии.

Надо показать деятельность на заводе представителей

открытой и замаскированной контрреволюции: боевые наступления белых армий, роль кадетов, эсеров, меньшевиков, троцкистов, вредителей, а также случай рабочей „волянки“ и ее подстрекателей.

Показать многообразный процесс ленинской культурной революции, гигантский рост всего рабочего класса, создание рабочей интеллигенции как процесс уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом (заводы-втузы, социалистическое совмещение, шефство и др.). Новые формы быта, семьи, бытовые коммуны. Новые формы общественных отношений. Новое в положении женщин и детей. Физкультурное движение. Ликвидацию безграмотности. Школьное дело. Роль партии, комсомола и пионеров в культурной революции. Общественное питание. Роль газет и стенгазет, рабкорское движение. Культпоходы. Борьбу с религией. Призыв ударников в литературу. Работу клубов, литературных и других кружков. Культурные связи завода с другими предприятиями и особенно с деревней, с колхозами и совхозами.

Предлагаемый краткий конспект отнюдь не имеет обязательного характера и не исчерпывает всего материала, который должен быть использован в книге. В каждом конкретном случае предложенная схема подлежит изменениям и поправкам в зависимости от времени возникновения завода и специфических условий его развития.

Редакция меньше всего заинтересована в том, чтобы получить в ответ на предлагаемую выше схему книги сухой анкетный материал официального характера. Задача авторов должна состоять в том, чтобы создать на основе этого конспекта живую, увлекательную книгу, в которой была бы показана на конкретных примерах диалектика экономического, политического и культурного развития завода в процессе классовой борьбы пролетариата сначала за диктатуру, потом за укрепление этой диктатуры, за социалистическое строительство.

Этому должен служить и способ литературного изложения. Редакция полагает, что в данном случае допустимы все виды литературного письма, основанные на точно проверенных фактических данных. Научно-исследовательские статьи, очерки, документы, мемуары, рассказы живых свидетелей, биографии и автобиографии деятелей, их портреты, равно как и другой иллюстрированный материал, рисующий предприятие и его историю,—все это может и должно войти в состав сборника. Чисто беллетристические произведения, посвященные истории заводов (романы, повести, стихи, пьесы и др.), инициативу написания которых следует всячески поддерживать, составят особое приложение к основной серии сборников.

Однако задача „Истории заводов“ не исчерпывается изданием сборников разнохарактерного материала (сборников документов, воспоминаний и т. д.); конечной целью „Истории заводов“ является создание систематической марксистско-ленинской художественной истории заводов.

Книги по истории заводов, расположенных на территории РСФСР, издаются на русском языке; книги о заводах, расположенных в других республиках Союза, издаются на языке данной республики и русском языке одновременно.

Размер книг устанавливается по соглашению редакции и местных редакционных коллегий в зависимости от количества и качества собранного материала.

При собирании материала следует пользоваться прежде всего местными архивами: архивы предприятия, партии, советов, профсоюзов, страховых и больничных касс, церквей, фабричной инспекции, полиции, краеведческих обществ и т. д., а также материалами больших и центральных хранилищ, таких, как: Центрархив, Архив революции, Ком-академии, архивы советов народного хозяйства, б. департамента полиции и 3-го отделения, сената, горного департамента, департамента торговли, Общества фабрикантов и заводчиков, Военно-исторический архив, и рядом литературных источников (отчеты губернаторов, земские сборники и пр.). Помимо архивного материала, следует производить опросы живых участников тех или иных исторических событий, развертывавшихся на заводе. Все эти материалы следует тщательнейшим образом проверить и марксистски осмыслить.

Организационная структура издания представляется в следующем виде: руководящим и ответственным органом издания является Главная редакция в том составе, какой указан в постановлении ЦК партии от 10 октября 1931 г.

Непосредственная организация серии возлагается на секретариат редакции.

В областных центрах создаются под руководством партийных органов областные представительства редакции, которые организуют в помощь себе комитеты содействия, привлекая в них представителей партийной и советской общественности, комсомол, деятелей литературы, науки и техники. Задача областных представительств редакции и комитетов содействия состоит в пропаганде задач „Истории заводов“ и организации массовых кампаний, в составлении списка первоочередных заводов области для представления их в Главную редакцию. Кроме того, областные представительства должны оказывать всяческую помощь заводским редакционным коллегиям и структурировать их по вопросам программ „Истории заводов“.

На предприятиях организуются редакционные коллегии,

которые работают под руководством и контролем местных партийных органов. В состав редколлегий привлекаются в первую очередь литературные организации, ячейки Общества историков-марксистов, Истпарт, представители заводских газет, профорганизаций, инженерно-технического персонала, заводского управления и ряд других лиц по выбору редколлегии.

Редакционные коллегии вырабатывают прежде всего подробную программу сборника, намечают сроки его выполнения и посылают все это в Главную редакцию на утверждение, после чего коллегии приступают к практической работе. Местные коллегии выделяют из своей среды специального редактора, который несет ответственность перед заводской редакционной коллегией и Главной редакцией за всю работу по составлению сборника. Заводская редакционная коллегия находится в тесном контакте с областным представительством редакции и с рабочим коллективом завода; на общих собраниях завода члены редколлегий делают периодические доклады о состоянии работ по сборнику.

В помощь заводским редакционным коллегиям Главная редакция организует специальную группу инструкторов (экономистов, историков и пр.), которые путем переписки и личных посещений завода принимают участие в работе над сборником.

По окончании работ заводская коллегия передает рукопись в Главную редакцию для просмотра и утверждения к печати.

В финансовом отношении заводские редакционные коллегии работают согласно выработанной ими и утвержденной заводу управлением и сектором Главной редакции смете, получая необходимые средства от управления завода и отчитываясь перед ним в их израсходовании.

Издание "Истории заводов" возлагается на ОГИЗ.

В ближайшее время редакция выпустит специальную брошюру, которая будет содержать подробную программу сборника, методические указания по его составлению, инструкцию по собиранию и обработке материала и библиографический справочник.

Редакция не имеет возможности напечатать в короткий срок книги всех тех заводов, какие приступили и приступят к этой работе. Здесь необходима последовательность. Редакция ждет от областных своих представительств списка первоочередных заводов по каждой области, чтобы на основании этих сведений выработать общую очередь изданий.

Для установления связи с местами необходимо, чтобы заводские редакционные коллегии и областные представи-

тельства немедленно сообщили секретариату редакции свои адреса и дали сведения о состоянии работ.

Программа каждой книги должна быть на заводах тщательно продумана как с редакционной, так и с организационной стороны. Всякая стихийность, кустарщина и неплановность, всякие попытки отдельных лиц и организаций вести работу вне указанных выше организационных форм поведут к неизбежным ошибкам, халтуре и бракованности продукции. Борьба за качество должна стать основным лозунгом работы. Создадим большевистские истории заводов! Покажем пролетариат во всей его величине как творца новой жизни, покажем рост рабочего класса СССР, ударной бригады мировой революции, покажем развитие и подъем пролетариата, строящего социализм под руководством ленинской партии!

„Правда“, 28/XI-1931 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
От редакции	4
Н. Потапчик—К вопросу о создании „Истории Заводов“ Украины	5
Харламов.—Рождение завода	33
И. Гонимов—Джон Джемс Юз	57
Н. Ледянко—История металлургического завода им. т. Сталина	92
П. Радченко—Первые хозяева	109
В. Максименко—Годы реакции в Горловке	129
Г. Яковенко—Дивиденды	142
С. Радугин—„Зибеню-Фрицис“	165
А. Григорьев—Путь к первой маевке	196
Дело о покушении на И. Надежина (документы)	249

Заводы пятилетия

В. Юрезанский—Из истории проекта	267
В. Дончак—Шлюз	274
Я. Башмак—Высокое напряжение	291
М. Марич—Новая „великая держава“ в советской металлургии	304
П. Иванов—Сделанная весна	314
И. Муратов—Первая комсомольская	325
В. Собко—Обновление	334
А. Панов—Две молодости старого мастера	337
А. Бакалин—Вина бойца	350

Приложение

Об издании „Истории заводов“—постановление ЦК ВКП(б) от 10/X 1931 г.	359
Инструкция Главной редакции	360

★ ★ ★

Редактор Н. Потапчик
Техредактор А. Проховник
Обложка художника Л. Перешкольника

Сдано в набор 15/III

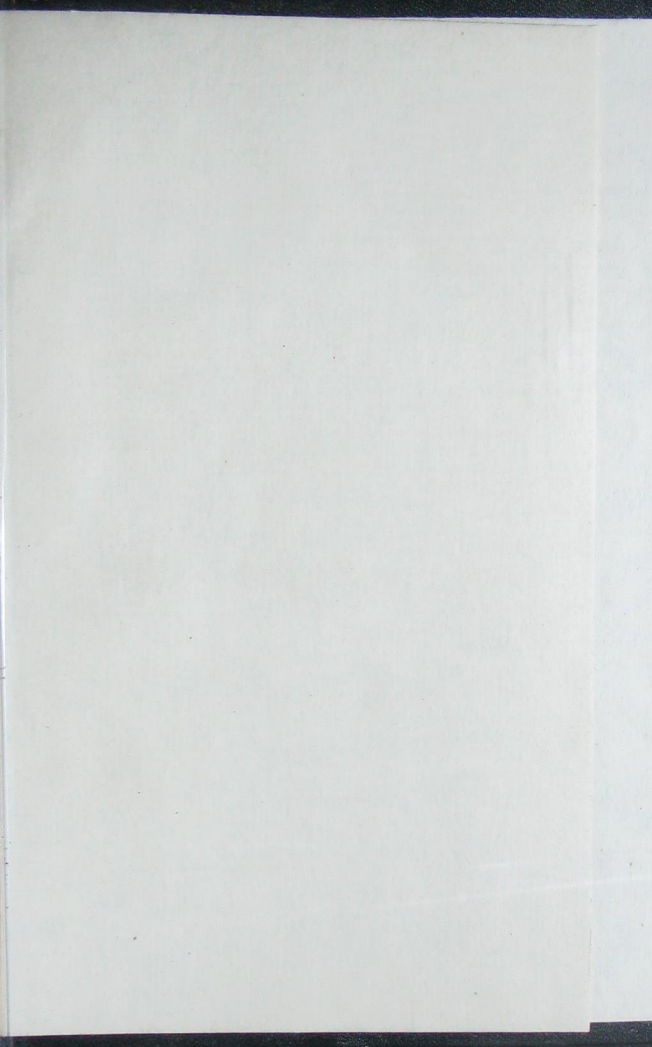
Подписано к печати 13/VI

Уполном. главлита № 1364. Тир. 9.000—23 печ. л. Зак. № 121.

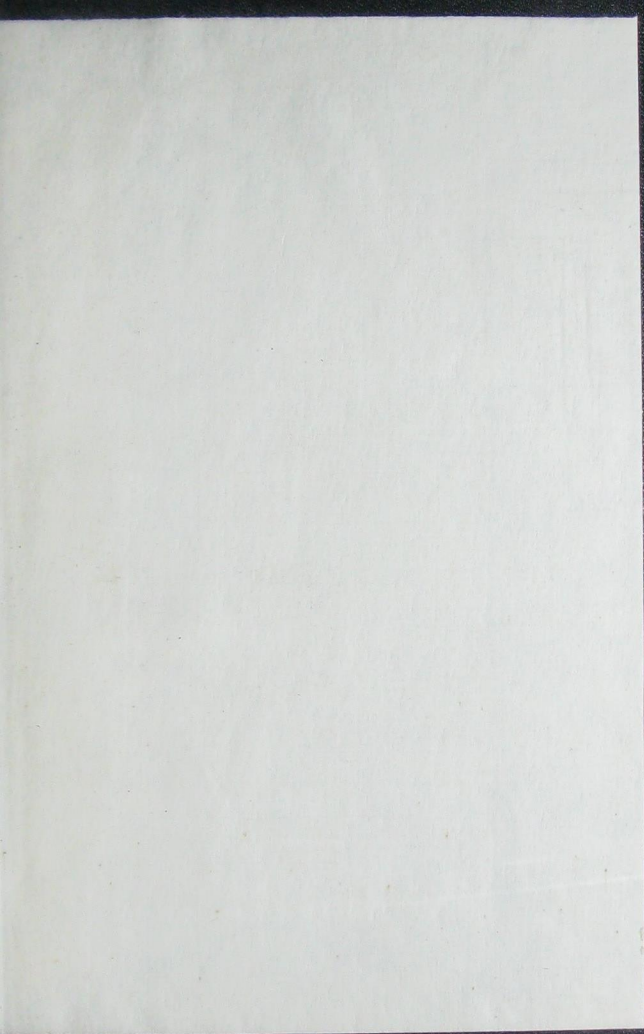
Бумага: 11¹/₂ л., ф. 62×94—38 кг. 1 бум. лист.—90 тыс. зн.

Типограф. Изд-ва „Український Робітник“. Харьков, Пушкинская ул., 40

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА







V.N. Karazin Kharkiv National University



00872811

9